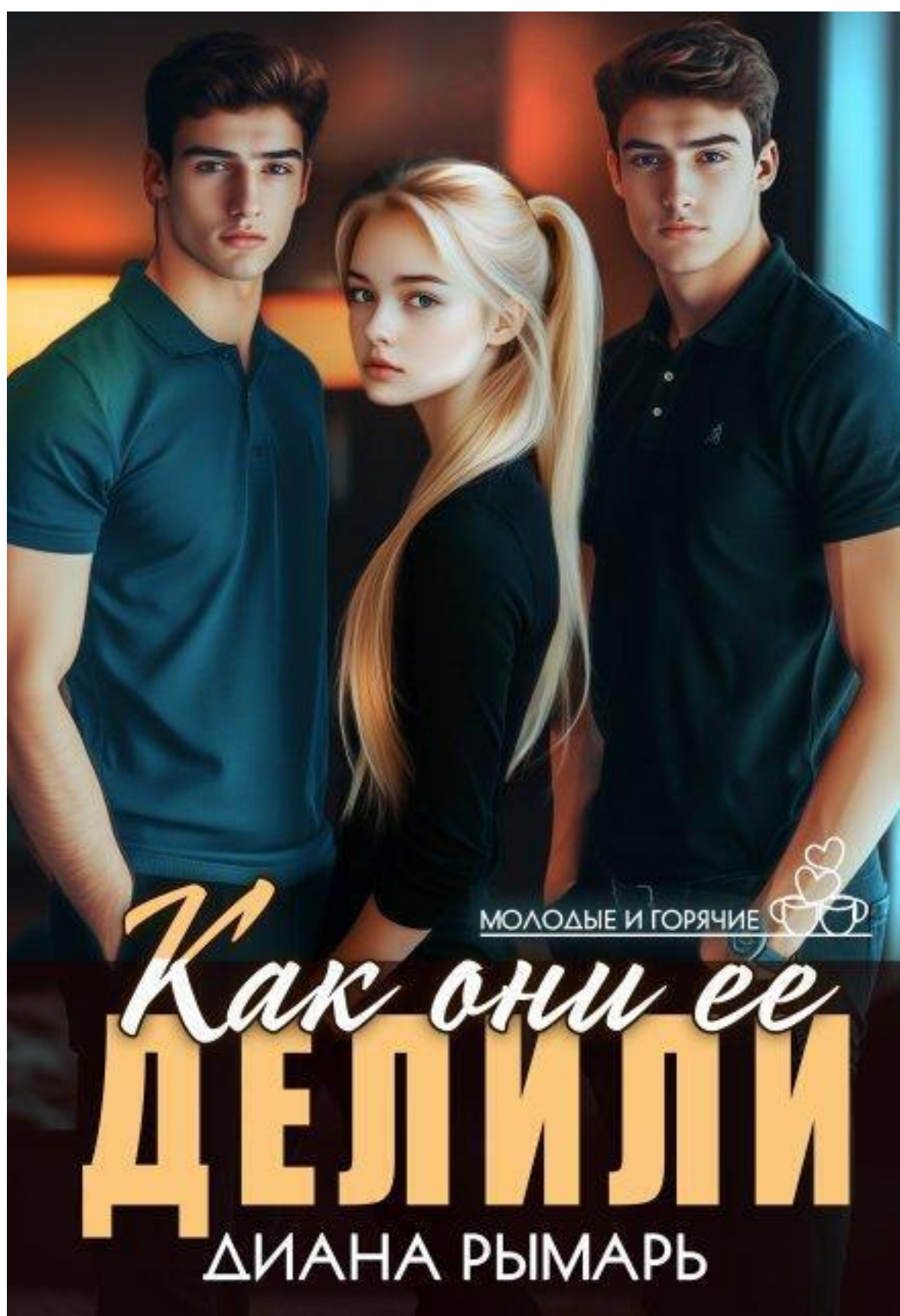

МОЛОДЫЕ И ГОРЯЧИЕ

Как они ее
ДЕЛИЛИ
ДИАНА РЫМАРЬ

Диана Рымарь

Как они ее делили

«Литнет»

2025

Рымарь Д.

Как они ее делили / Д. Рымарь — «Литнет», 2025

Когда мне было пятнадцать, мы с мамой переехали в другой город. Я попала в новый класс, где местными богами слыли близнецы Григорян. Эти парни мнили о себе невесть что, ведь их отец —миллиардер и все им позволял. С тех пор как они меня приметили, больше не давали прохода. Случился большой скандал, когда они закрылись со мной в раздевалке и потребовали выбрать одного из них. Тогда отец пообещал им по тачке, если они не будут ко мне лезть до совершеннолетия. Три года они не трогали меня, но следили за всем, что происходит в моей жизни. Блюли мою невинность — их слова. Мне нельзя было ни с кем даже в кино сходить, а они делали что хотели. Но вот близится мое восемнадцатилетие, и я не имею ни малейшего понятия, чего от них ждать. ♥#♥# Однотомник. ХЭ

© Рымарь Д., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Свидание	5
Глава 2. Кто сколько огреб	8
Визуал	11
Глава 3. Родители	12
Глава 4. Презент Насте	15
Глава 5. Шкодливыи Артур	17
Глава 6. Что она думает по этому поводу	20
Глава 7. Заявка на ее девственность	22
Глава 8. Защитники	26
Глава 9. Онлайн-битва	28
Глава 10. Перед днем рождения	30
Глава 11. День рождения Насти	33
Глава 12. Безжалостный выбор судьбы	39
Глава 13. Эмоционально (не) зрелый	41
Глава 14. Свидание с Григоряном	43
Глава 15. Арам	45
Глава 16. В его руках	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава 1. Свидание

Часть 1. Наша

Глава 1. Свидание

Настя

— Настюш, ты мне сразу понравилась, — неожиданно говорит Костя. — Как только тебя увидел, уже в другую сторону не смотрел.

Я замираю возле буфета, где продают попкорн в кинотеатре.

Признание Кости для меня очень неожиданное, ведь это наша первая встреча вдвоем.

Смотрю во все глаза на своего случайного ухажера и не верю, что все это происходит со мной наяву.

Я правда на свидании, причем парень очень привлекательный. Он будто сошел с плаката рекламы фитнес-клуба: раскоченный, с белозубой улыбкой, забавным чубом светло-русых волос. Одет в брендовые вещи, телефон у него дорожный, крутые родители. Хотя он и без родителей крут.

— Спасибо, Костя. — Это все, что я могу из себя выдать на данный момент.

Он не то чтобы нравится мне... Хотя как такой может не нравиться? Если кому такое скажу, любая девчонка покрутит у виска, потому что он объективно вау. Но ему двадцать один, он уже на третьем курсе экономического, поэтому кажется мне чересчур взрослым, и это слегка пугает.

Я ведь еще во всех смыслах девочка. Опыта с парнями у меня ноль, по крайней мере позитивного.

Но Костя — единственный, кто вообще воспринял меня как девушку и пригласил в кино.

Меня ведь никто никуда не зовет. Никогда.

И не потому, что я страшная. У меня дома есть зеркало, и я прекрасно вижу, что не уродка. У меня есть грудь, попа, тонкая талия. Я блондинка опять-таки, причем натуральная, и глаза у меня красивые — голубые, миндалевидные.

Но, как минимум в школе, для парней я давно стала невидимкой, потому что Григоряны. Что это значит? Пф-ф-ф, хотела бы я этого не знать.

В общем, я — негласная собственность двух мажоров, у которых папочка-миллиардер.

По крайней мере, они искренне в это верят, сколько бы я ни пыталась доказать обратное.

Это началось три года назад.

Когда мне стукнуло пятнадцать, отец сбежал куда подальше, навесив на маму долги за прогоревший бизнес. Мы продали нашу роскошную трешку в Ростове и перебрались в Краснодар. Мама покрыла долг отца банку, а на оставшиеся деньги купила плохонькую двушку в месте, где нас никто не знал.

Побочный эффект переезда — я попала в новую школу, в новый класс.

Элитный, как мама сказала. Ей пришлось немало постараться, чтобы меня туда запихнуть. Ведь лицей чуть ли не лучший на весь край. Благо она востребованный медик, и у нее есть кое-какие связи.

Там я познакомилась с близнецами Григорянами.

Дурочка, поначалу я очень обрадовалась, что подружилась с одноклассниками, ведь переживала, как воспримут. Но очень скоро они стали навязчивы, хотя и нравились мне. Внешность у них яркая: высокие, крепкие, черноглазые и с такими длинными ресницами, что позавидует любая девчонка. Обаятельные опять-таки — но это только когда им надо.

Артур и Арам слыли королями класса, за ними бегали все девчонки, но их внимание сконцентрировалось на мне.

Потом произошел неприятный случай в раздевалке школы, где они заставили меня выбрать между ними.

Как можно выбрать между правой и левой половинками яблока?

Хотя нет, плохой пример. Вторая половинка яблока ведь не полезет драться к первой, за то, что ее не выбрали. И не станет тебе доказывать, что ты сделала паршивый выбор. И преследовать тебя тоже не станет.

В общем, я стояла в той раздевалке, как глупая курица, и хлопала ресницами, не представляя, что делать дальше. А они по очереди прижимались ко мне губами, называя это поцелуями.

Результатом всего этого стал скандал.

В школу вызвали и их родителей, и мою маму.

Мама так орала, что у меня заболели уши.

А отец Григорянов запретил им ко мне лезть вплоть до восемнадцатилетия. Пообещал им за это какие-то крутые машины. Классный способ воспитывать детей, да?

Тем не менее Григоряны отстали от меня.

Лишь позже, когда мы с подружкой пошли прогуляться в парк с мальчиками, я узнала, что мне, оказывается, нельзя. Григоряны появились незамедлительно и доходчиво объяснили парням, что я — неприкасаемая.

В тот день я оценила всю степень идиотизма ситуации.

Григорянам можно все, и они творили что хотели эти годы.

Я же должна была, как хорошая девочка, ждать своего восемнадцатилетия. Желательно у окошка, высматривая Артура и Арама.

Впрочем, мы больше не школьники, все-таки уже на первом курсе университета. Да и Григорянов я в последнее время не видела.

Лелею надежду, что надоела им, только поэтому и согласилась сходить в кино.

— Какой попкорн хочешь? — спрашивает Костя. — С сыром или, может быть, карамельный?

Я вдыхаю волшебный сладкий запах, выбирая. При этом чувствую себя почти счастливой.

Случайно оглядываюсь и...

Мое сердце ухает куда-то вниз, когда вижу Григорянов в дальнем конце зала.

Явились — не запылились!

Артур с Арамом сканируют помещение взглядом, видят меня и, о ужас, идут к нам прямой наводкой.

Как они в этот раз узнали, что я тут? Маячок на меня навесили, что ли?

— Ты что так напряглась? — спрашивает Костя. — Тебе холодно?

Меня действительно начинает чуть потряхивать, хотя за окном теплый, ласковый сентябрь, да и в помещении довольно тепло.

— Хочешь, я отдам тебе куртку? — спрашивает Костя.

Уже стягивает с себя тонкую ветровку, чтобы накинуть мне на плечи, как к нам подходят Григоряны.

Скованная страхом, я даже ответить не успеваю.

— Отошел от нее, быстро! — чеканит Артур Григорян.

Откуда я знаю, что это именно он, когда они с братом похожи, словно две половинки яблока? Все просто, у Артура маленькое родимое пятно в форме полумесяца на правом виске. Собственно, это единственное отличие, ведь они даже одеваются почти одинаково.

— Отошел! — цедит сквозь зубы Арам. — Иначе свои зубы с пола будешь собирать.

— Вы что, молокососы, совсем охренели? — рычит на них Костя. — Наглый пошел молодняк...

Он ведь крупнее любого из Григорянов, они не такие раскачанные, да и ростом уступают Косте. Кажется, он совсем их не боится.

Удивительно просто!

Хоть кто-то в этой жизни их не боится.

— Отойдем, поговорим. — Артур смотрит на Костю делано равнодушно.

Но я-то знаю, что стоит за этим равнодушным взглядом. Там тонны агрессии! И зачем только я согласилась сюда идти?

— Не ходи! — Я цепляюсь за локоть Кости. — Они бить будут...

На это мой кавалер лишь усмехается, кажется ему до лампочки их угрозы.

Он осторожно отцепляет мои руки от своего локтя, все-таки накидывает на меня куртку и наклоняется к уху, говорит вкрадчивым голосом:

— Настюш, все окей, я сейчас вернусь. Ты подожди меня, ладно?

Чувствую себя последней идиоткой, киваю.

Пялюсь на три удаляющиеся спины, и меня начинает буквально подташнивать от страха.

Не знаю, что делать.

Остаться здесь или пойти на улицу? А может, в полицию позвонить?

Глава 2. Кто сколько огреб

Настя

Через пару минут я решаю, что это глупо — стоять тут, как дура, и ждать.

Он ведь, скорей всего, не вернется! Особенно если дело вправду закончится дракой...

Костя мощнее братьев, но их-то двое, вполне могут и вправду напасть.

И плевать, что мы в центре города, а на улице полно народа. Григорьянам на все в этой жизни плевать, кроме их собственных желаний и амбиций.

Я поворачиваюсь в сторону выхода и спешу на улицу со всех ног.

Однако, когда выхожу, возле кинотеатра вообще никого нет.

Зато слышатся чьи-то жалобные вопли, звук раздается откуда-то сбоку.

Поворачиваюсь туда, шурю от яркого солнца и в первые секунды ничего не могу разглядеть.

Хорошо, что я в кроссовках, а не на каблуках. Бегу туда и застаю поистине жуткую картину. Близнецы Григорьяны пинают Костю, который лежит на тротуарных плитках, скрюченный. Вокруг толпа молодежи, человек пятнадцать, а то и больше. Некоторые подбадривают, некоторые снимают это все на телефоны. И никто не пытается влезть. Ни одна живая душа...

Надо было мне раньше выходить, идиотке.

— Отстаньте от него! — кричу им и спешу в самую гущу событий. — Я сейчас же звоню в полицию!

Неловко вытаскиваю из кармана телефон и трясущимися пальцами тычу в экран.

В этот момент все поворачиваются в мою сторону.

Мое фееричное появление меняет расстановку сил.

Артур Григорьян в последний раз смачно пинает Костю по ребрам, разворачивается и несется на всех парах ко мне.

Арам остается, что-то там пытается доказать несчастному парню, что по-прежнему лежит на земле.

Я уже не слышу слов Арама, потому что Артур возникает прямо передо мной.

— Телефон, — бурчит он и самым наглым образом забирает мобильник.

Тут я подмечаю, что без тумака он не остался — у него основательно так подбит левый глаз. Кожа на скуле даже немного кровоточит, как будто зарядили кулаком, на одном из пальцев которого было кольцо. А ведь у Костики было что-то подобное. Перстень серебряный...

— Что вы творите? — только и успеваю сказать. — Отдай телефон!

Артур даже не думает меня послушать, он всегда игнорирует мои слова.

Подходит совсем близко и неожиданно тянет за воротник куртки, с пренебрежением стаскивает с меня.

Поначалу мне непонятна такая его реакция, а потом вспоминаю — ветровка-то Костина.

Артур швыряет вещь прямо на землю, в пыль, а потом стягивает с себя черную мастерку, заворачивает меня в нее, командует брату:

— Арам, погнали!

При этом закидывает меня к себе на плечо и несет!

Чувствую себя мешком картошки и даже пошевелиться не могу, запеленатая в чужую мастерку.

Только и остается, что визжать:

— Отпустите! Немедленно меня отпустите!

И никто из посторонних не реагирует, даже не рыпается.

Григоряны быстро уносят меня к парковке, а затем затаскивают в серебристый джип — на заднее сиденье.

Арам остается со мной, а Артур со скоростью звука забирается на водительское место, и машина срывается с места.

Артур водит как сумасшедший. Огромная машина несется по улицам города с дикой скоростью.

Мне становится так страшно, что поначалу даже не понимаю, куда меня везут.

Сижу, вся скукожившаяся, глазею на близнецов и не верю в происходящее.

Это середина дня. Мы были в людном месте. И меня просто так забрали без моего на то желания.

Что за лютая дичь?!

— Вы с ума сошли! — визжу я.

Арам пытается успокоить:

— Настя все хорошо, не волнуйся, с нами ты в полнейшей безопасности, всегда. Если еще какой козел пристанет, ты только скажи. Мы мигом примчим...

Примчат они...

Смотрю на Арама и не понимаю, он вправду не догоняет, что я пошла на то свидание добровольно?

Только тут замечаю, что у Арама на зубах кровь. Похоже от Кости досталось не только Артуру.

— Что с тобой? — спрашиваю, невольно охнув.

Арам касается разбитой нижней губы и морщится, но мне отвечает:

— Ерунда, не нужно беспокоиться.

Такой милый со мной, что аж тошно.

Артур тем временем продолжает хищно рулить по городу.

Как им отец только машину доверил при таком вождении? Или это авто одного из них? Заслужили за то, что меня не трогали? Им-то уже стукнуло по восемнадцать.

— Куда вы меня везете? — спрашиваю я.

И только тут догадываюсь взглянуть на улицу.

А картина-то отлично знакомая — мой район.

Очень скоро Артур поворачивает в сторону моего дома.

— Доставлена в целости и сохранности. — Арам улыбается мне разбитыми губами.

А я не верю, что это на самом деле происходит со мной.

Дожидаюсь, пока они остановят своего монстра на колесах у моего подъезда, и кричу на них:

— Вы не можете так себя вести! Какое вы имеете право так со мной поступать?

Они переглядываются с таким видом, будто им удивительно, как я не могу понять их резонов.

— Ты правило забыла, Настя? — посмеивается с переднего сиденья Артур. — С нами никуда не ходишь, и ни с кем другим не ходишь.

— Это ваше правило, не мое! Я не соглашалась! — продолжаю бурно возмущаться.

— Скоро все кончится, — подмечает Арам.

— Скоро тебе восемнадцать, — кивает Артур и, кажется, пытается подмигнуть мне подбитым глазом. — На твой день рождения все и решим.

— Что решим? — Я смотрю на них как на больных.

— С кем ты будешь, — поясняет Артур. — На свой день рождения ты выберешь одного из нас. С ним и останешься.

Они всерьез в это верят? Совсем слетели с катушек.

Я морщу нос и гневно заявляю:

— Вы не приглашены на мой день рождения!

А потом скидываю с плеч куртку Артура, выскакиваю из машины и бросаюсь в подъезд.

Визуал

Дорогие, любимые, хотите посмотреть на наших выросших героев поближе? Вот парочка артов к этой книге, полюбуйте!

Надеюсь, герои понравились. У них впереди еще море приключений самого разного рода.

Глава 3. Родители

Артур

Дома мы с Арамом сидим на диване в кабинете отца. Вжимаем головы в плечи, изображаем полнейшую покорность и слушаем родительский ор.

Отец ходит перед нами туда-сюда, смотрит сверху вниз, ведь рост у него ого-го.

— Вы охренели, братцы-кролики! — продолжает разоряться он. — Как посмели бить сына декана на глазах у толпы народа? Не могли найти кого попроще?

— Пап, ну ты же смотрел видео — он первый драться полез, — пытаюсь оправдаться.

Будто он не видит, что мы тоже пострадали. У меня глаз почти заплыл, у Арама губа в два раза больше нормы. Сам на нас кинулся, ниндзя недоделанный. Ну мы потом его, само собой, скрутили и с небес на землю опустили.

Отец будто бы и вправду не замечает наших травм, с азартом ругает дальше:

— А кто его за кинотеатр повел? Не вы? Или, может быть, считаете, что отец этого пацана поблагодарит вас за то, что отпинали его по ребрам? Парень в больницу попал! Поздравляю, теперь вас отчисляют, идиоты гребаные!

При этом его кожа так краснеет, что кажется, скоро батью бахнет инфаркт. Мы бы даже, может, испугались за него, но он здоров как бык и силен так же. Если надумает надавать затрепчин или поучить уму-разуму ремнем, нам не поздоровится.

— Я из-за вас поседею раньше времени! — Отец тычет себе в правый висок, но в его черных волосах и без наших стараний давно пробивается седина, она даже видна у него в бородке, только брови по-прежнему черные. — Я так гордился своими сыновьями... Поступили с хорошими баллами, посещают престижный университет, собираются идти по стопам отца. Место в фирме для них готовил. А вы что? Что вы творите, засранцы эдакие?!

Не спорим. Молчим. Изображаем полнейшее послушание. С батей только так, ведь, пока он в гневе, никаких отмазок слушать не будет.

Я смотрю исподлобья на мать.

Она тоже здесь, стоит в стороне, смотрит на нас испуганно — голубые глазищи на поллица. Прямо как у Насти временами, только Настя блондинка, а у мамы темный волос.

Этот мамин испуганный взгляд — что иголка под ноготь.

Мать — святое, ее хочется защищать, а не смотреть на испуганное лицо.

— Мигран, как это их отчисляют? — тихо спрашивает она, при этом у нее бледнеет лицо и даже губы. — Ты же сказал, что разобрался...

— Ульяна! — Отец грозно зыркает на нее.

Должно быть, информация о том, что он разобрался, была приготовлена для нас на закуску.

Однако, когда мы с Арамом это слышим, радостно переглядываемся.

Фух, пронесло на этот раз.

Но отец и не думает успокаиваться.

— Разобрался! — рычит он и продолжает буравить нас грозным взглядом. — Вы знаете, сколько мне пришлось отвалить в качестве спонсорской помощи, чтобы вас, оглоедов, не отчислили? Очень круглую сумму! И вы мне эту сумму отработаете на каникулах вместо отдыха, поняли?

— Отработаем, — отвечаю я.

Арам тоже кивает.

— Без «б», бать, — зачем-то вякает он.

— Без «б», значит. — Отец моментально привязывается к этой фразе. — Без «б» у них все... Я смотрю, хорошо устроились, студенты. Жируете на родительских харчах, живете в роскошных комнатах, джипы дорогие водите, которые я вам по глупости купил. Вы вообще в курсе, сколько штрафов прилетело за ваше вождение? Да и хрен бы с ними, со штрафами, девчонку из кино украсть, на плечо закинуть... Она вам что, кавказская пленница? Вы б еще мешок на нее надели, дурни!

Мы снова вжимаем головы в плечи, переживаем второй раунд.

— Объясните мне. — Отец машет руками перед нашими лицами. — На кой хер вам понадобилось бить сына декана? Зачем?

Арам вскидывает голову, готов расколоться, сучонок.

Зыркаю на него, едва заметно качаю головой.

Даю мысленный посыл страшной силы: «Молчи! Молчи!»

Потому что, если батя прознает причину...

Это мы с Арамом знаем, что тот Костик — любитель отъебать какую-нибудь целку и выложить подвиг в университетский порно-канал в телеге. Подход у него с закосом под романтика — сначала кино-домино, потом к себе в квартиру, типа в приставку порубиться, суши поесть или еще что, разумеется с продолжением. Какая-то девчонка сама соглашается, какую-то соглашают. А потом на всеобщее обозрение появляется видео с клубничкой.

Но если батя узнает про тот канал, это будет вселенский апокалипсис.

Канал ведь секретный, чисто для пацанов нашего универа.

Все поймут, что это мы раскололись, и мы будем нерукопожатны.

К слову, на том канале не только порно. Там часто выкладывают мнения про телок. По нему меряют, кого драть, с кем под ручку ходить. Оценивают, баллы выставляют.

Рыгаловка, короче, блевотная.

Оно, может, и лучше рассказать отцу, пусть бы он добился прикрытия этой шарашки. Но мы дали клятву, что никому про тот канал не скажем.

Само собой, клятву выполним, но и Насте там появиться не позволим. И никакой университетской мрази ее отъебать не дадим.

Она наша.

— Молчите, паршивцы? Стыдно? — продолжает разоряться отец. — Неужели ж никак по-другому нельзя было девчонку увести? По-людски, без драки.

Оно бы, может, и можно было без драки. Но тогда Костян бы не понял, что девочка неприкосновенная. А когда по щам получил — оно всяко доходчивее.

— Прости нас, пап, — говорит Арам.

— Мы так больше не будем, — вторю ему угрюмо.

— Конечно, не будете. Потому что если я узнаю хоть об одной из ваших драк, то больше ни копейки в университет не отнесу. Это ясно?

— Ясно. — Мы с Арамом киваем вдвоем.

Очень надеемся, что на этом нас отпустят.

Но тут следуют санкции, куда ж без них.

— Я забираю у вас машины на месяц, — цедит сквозь зубы отец. — Будете сами драть свои комнаты и ванны со щеткой в зубах тридцать дней! От зари до зари... И учебники штудировать, а потом мне рассказывать. И никаких карманных денег тоже месяц!

Последнее нам с Арамом как серпом по яйцам. Особенно если учесть, что я потратил последние карманные на один презент Настене, чтобы немно-о-ожечко качнуть весы в свою сторону. Хотя думаю, она бы и без этого выбрала меня, ведь между нами особая энергетика.

Вот только как ухаживать за девчонкой, если в карманах пусто?

— Пап, — решаюсь спорить. — Но у Насти ведь день рождения, как же мы без бабла...

— Я про эту Настю больше слышать не хочу! — рычит отец. — А теперь пошли вон с глаз моих!

Сбегаем, что делать.

Не дай бог, сейчас попасть ему под горячую руку, точно прибьет.

В конце концов, отец — не единственный, кто может дать денег на нашу задумку. У нас ведь есть еще бабушка.

Бабуля у нас огонь...

Глава 4. Презент Насте

Настя

После неудачного похода в кино мне дико не по себе.

Хожу по квартире из угла в угол, не знаю, куда себя деть.

В нашей хрущевской двушке, конечно, особо не разгуляешься. Но я, кажется, уже истоптала весь мамин любимый бежевый ковер.

Близнецы Григорян забрали у меня телефон, да так и не вернули. Скорей всего, кинули где-то в машине да забыли. И я, дурында, когда убегала от них, даже не вспомнила про него. Точнее, была слишком шокирована произошедшим, чтобы нормально соображать.

Теперь не знаю, что сделать по этому поводу. Я даже не могу позвонить им и попросить его привезти.

И в полицию пойти не могу, потому что это дойдет до мамы, и она устроит мне вселенский апокалипсис. Ее аж трясет от всего, что связано с Артуром или Арамом. С самого девятого класса она ненавидит их лютой ненавистью, считает зажавшимися сволочами и не разрешает мне с ними общаться.

Ума не приложу, как мне ей сказать, что они забрали мой телефон?

Кстати, я ведь пока еще не работаю, мама меня обеспечивает. Так что это мне у нее теперь просить деньги на новый мобильный в случае чего. Ну и озверееет она сегодня...

Впрочем, маме в последнее время много не надо, чтобы дойти до состояния «Агрессивная гарпия». Хотя она у меня и не страшная совсем, пепельная блондинка с невероятно голубыми глазами, и не старая еще, ей всего тридцать восемь лет. Но слишком много работает, ее почти никогда не бывает дома, а когда она дома, то, как правило, такая уставшая, что взрывается с пол-оборота.

Вздрагиваю, услышав поворот ключа в дверном замке.

Мама вернулась со смены в больнице, а я так и не придумала, что ей сказать.

Выхожу в прихожую встречать ее.

Она кидает на обувницу сумку, скидывает босоножки и останавливается рядом, неодобрительно меня оглядывая.

— Дочь, ты почему недоступна? Что за приколы? Я же тебе сказала, если я звоню, значит всегда надо брать трубку! Иначе я автоматом прекращаю платить за твой телефон и интернет. Неужели это непонятно?

Поджимаю губы, соображая, что бы такого ответить, чтобы не нарваться на ее ор.

— Я... Эм...

— Не мямли! — вскрикивает она. — А то совсем как твой отец, что-то там вякает себе под нос, а другим как будто слышать не нужно...

Она говорит это с таким пренебрежением, что мне делается не по себе.

«Убирай квартиру лучше, а то, прям как твой отец, ни на что не годная!»

«Сходи за хлебом, а то вечно тебя ни о чем не допросишься, прямо как твоего отца...»

«На тебя разве можно положиться? Такая же безответственная, как и твой отец!»

Это все ее обычные придирки.

Я понимаю, папа очень сильно ее обидел тем, что фактически ограбил нас на круглую сумму. И это из-за его косяка мы переехали сюда, лишившись удобного жилья, да еще и попав в кредитную кабалу. А он даже не удосужился попросить прощения, просто исчез.

Но я не он! И пусть внешне мы с ним очень похожи, я не совершала ничего такого.

Я хорошо убираю квартиру, исправно хожу за продуктами, оплачиваю коммуналку, сама поступила в вуз и даже заработала себе стипендию. Собираюсь устроиться баристой в кафе возле университета,

Я не как мой отец! Но ей этого не докажешь...

Мы с ней совсем потеряли связь. Ей либо все равно, где я и что я, либо она чем-то недовольна и ворчит. Что с этим делать и как ей угодить, я не знаю. Очень хочу сбежать на квартиру или в общагу. Но местным общагу не дают, а на квартиру я не заработала.

Мать поджимает губы и вдруг достает из сумки какую-то белую коробку с бантиком.

— Что это за хрень у нас в почтовом ящике? — ворчит она. — Между прочим, нам сломали замок, наверное, для того, чтобы это положить. Никак не объяснишь?

Беру из ее рук продолговатую коробку и хмуро отвечаю:

— Я не в курсе, а с чего ты взяла, что это мне?

— Тут написано «Насте» на обороте.

Я поворачиваю коробку и вправду вижу надпись, сделанную синей ручкой.

— Все, я устала, мне некогда с этим разбираться, — подводит итог мама. — Попроси соседа, чтобы починил ящик.

С этими словами она уходит в ванную.

Вскоре я слышу звук включенного душа.

Выдыхаю. Кажется, моя казнь откладывается.

Иду в спальню и открываю коробку.

Внутри оказывается...

Новенький айфон и моя сим-карта, лежащая на дне коробки.

Обалдеваю, включаю телефон. И как только это делаю, мне тут же приходит сообщение от абонента «Любимый»: «Настена, я случайно разбил твой телефон, извини. Заменяю испорченное новым, наслаждайся».

А потом следом: «PS: Тебе понравилось, как я себя записал у тебя? Это Артур».

Да кто бы сомневался вообще, что это Артур!

Однако я даже не успеваю как следует на него позлиться, потому что в прихожей снова раздается звонок. И я снова вздрагиваю.

Слышу крик мамы из душа:

— Настя, это, наверное, пицца, иди забери!

Иду в прихожую, открываю дверь.

А там не пицца, там какой-то курьер. Причем он совсем не похож на тех, кто обычно возит еду. Весь такой в пиджачке, при галстучке...

— Анастасия Новикова? — спрашивает он.

Киваю.

— Это вам.

Он протягивает мне еще одну белую коробку, почти один в один такую же, как мама нашла в почтовом ящике.

Открываю и вправду нахожу там второй айфон.

Но, в отличие от предыдущего, он снабжен карточкой.

Читаю, что написано на кусочке белого картона: «Артур случайно разбил твой телефон, я решил купить тебе новый. Прими, пожалуйста. Твой навсегда, Арам».

Что мне с ними делать, а?

Они даже когда типа не ухаживают за мной, ухаживают одинаково...

Глава 5. Шкодливы́й Артур

Артур

— Да чего ты боишься? — Я тычу брата в бок ключами от машины. — Отец уже на работе, он не узнает. Ему вообще до фонаря, у него делегация из Китая приехала. Поедем в универ как люди, а не как обсосы на трамвайчике. Че мы, лохи, что ли? Я лично не лох.

С этими словами я киваю в сторону джипа, когда мы выходим из дома с рюкзаками.

— Ага, ага, — бурчит брат. — Тебе правила не писаны, что ли? Вечно ты так. Сначала начудишь, а потом мы вдвоем выхватываем от отца. Я пас. Лучше такси вызову, зачем сразу трамвай.

Вот так и теряешь связь с братьями. Я ведь думал, мы с ним на одной волне.

— Ну и вали на своем такси, а я на гелике поеду...

С недовольным видом наблюдаю, как Арам сваливает со двора.

Трус несчастный, пай-мальчик, мамочкин пирожок. Ни слова против, язык в жопу.

А я не такой.

Подхожу к гелику, глажу гладкую поверхность серебристого джипа, здороваюсь. Обожаю свою тачку и не собираюсь оставлять ее пылиться во дворе. Тем более что ключи из сейфа бати еще вчера выкрал. Отец, к слову, мог бы быть хитрее, ставить в качестве кода не день рождения матери, а хоть что-то другое.

Нажимаю на брелке кнопку «Открыть». Джип радостно мигает фарами, очевидно, что скучал.

С удовольствием забираюсь внутрь, глажу черную кожу сиденья.

Пультот открываю ворота и выезжаю.

Обожаю водить... Как сумасшедший.

Но сегодня очень стараюсь придерживаться скоростного режима, иначе батя взгреет так, что мало не будет. Кажется, я исчерпал свой лимит на штрафы, а заодно и его терпение.

Однако не учитываю, что аккуратное вождение существенно удлиняет путь, надо было выехать раньше.

На парковку универа подъезжаю тогда, когда пары уже десять минут как начались.

С шумом вздыхаю, предчувствуя, как опять будет разоряться препод. Ну не могу я приходить вовремя. Не могу, и все тут...

Выскакиваю из машины, открываю дверь на заднее сиденье, тянусь за рюкзаком.

И неожиданно получаю тычок в ребро.

Ощутимый такой!

Охреневаю от чьей-то нечеловеческой наглости, поворачиваюсь к этому камикадзе и застываю на месте.

Потому что передо мной стоит Настя.

— Ты совсем офигел, Григорян? — фырчит она.

Тычет в меня каким-то белым пакетом, а потом добрых пару минут что-то доказывает, предъявляет.

А я ничего не слышу, потому что отвлекаюсь на то, как двигаются ее губы. У нее очень красивые сочные губы, которые очень эротично шевелятся, когда она что-то говорит.

— Вот, держи! — шипит Настя.

Это все, что я улавливаю.

— Что это? — С недоумением смотрю на белый пакет.

— Почему ты всегда игнорируешь любые мои слова? — Она чуть не подпрыгивает на месте от бешенства. — Ты никогда не слушаешь!

А я не специально, честно. Просто, когда она рядом, я растекаюсь лужей и не способен воспринимать реальность. Особенно, когда мы с ней вот так, наедине. Что обычно случается плюс-минус никогда, ведь рядом всегда маячит Арам, при котором вот так не сделаешь, как я сейчас собираюсь...

Я забираю у Насти пакет, который она так настырно мне дает, кидаю его на заднее сиденье.

Потом тяну руку к ее талии.

— Настена, иди сюда.

С этими словами я притягиваю ее к себе и наклоняюсь, чтобы поймать ротом девичьи губы.

И улетаю...

Потому что нет в мире вещи прекраснее, чем целовать Настю.

Говорят, существует пять стадий принятия неизбежного.

И, кажется, целуюсь со мной, Настя проходит их все.

Она пытается оттолкнуть меня поначалу, несмотря на то что нам так кайфово в процессе. Потом она стучит мне ладонью по груди. Злитесь и снова стучит, но я воспринимаю это как ласку.

Потом тихо просит между поцелуями:

— Артур, не надо... Артур, отпусти...

Вяло так просит, почти нехотя. Голосок еще такой хриплый, полупьяный. Заводит аж до трясучки!

Естественно, не ведусь на эту провокацию.

Нагло целую ее дальше, проявляю все больше настойчивости.

Настя замирает, позволив мне в полной мере завладеть ее губами. Я втягиваю обе ее губы в рот, потом по очереди прикусываю их и снова облизываю.

Затем Настя и вовсе принимает мой язык внутрь, заодно проводит ладонями по груди и обвивает шею.

Охреневаю от удовольствия, когда чувствую, что Настя ко мне жметяся.

Держу ее за талию, ласкаю губами губы и чувствую, как кружится башка от всего этого.

А потом у Насти подгибаются колени. Легко удерживаю ее за талию, плотнее к себе прижимаю, не размыкаю контакта губ.

Кажется, моя девочка забыла, что во время поцелуев надо дышать. По моим подсчетам, ни одного вдоха за последние тридцать секунд не сделала.

Я немного отстраняюсь, вглядываясь в любимое личико.

Пытаюсь донести до нее самое главное:

— Настена, ты ведь меня выберешь, да? Ты правильно выбирай. Правильно — значит меня... Давай Араму сегодня скажем, что ты меня выбираешь?

Вдруг чувствую сильный толчок в спину.

Оборачиваюсь, и не успеваю даже ничего понять, как мне прилетает увесистый удар кулаком с правой.

В больную, сука, скулу!

Охаю, отлетая в сторону.

— Отвали от нее, мудель! — орет на меня Арам. — Мы же договорились до дня рождения ее не трогать! Ты нарушил слово...

Надо ж ему было появиться так не вовремя.

Я нарушил клятву, да. Но какие могут быть клятвы, когда дело касается любимого человека?

Араму до лампочки на мои причины, у него есть свои. Он хватает меня за грудки, слышу треск черной рубашки поло.

— Свали на хер! — пытаюсь оттолкнуть от себя Арама.

А он будто сожрал утром булку с тестостероном. Яростно рычит, припечатывает меня спиной к машине и, кажется, собирается превратить мою многострадальную физию в мясо.

— Прекратите! — с правого бока раздается ор Насти. — Немедленно прекратите драться!

Защищает, милая. А то Арам, застав меня врасплох, вполне мог бы подрихтовать физиономию. Сделал же нас бог одинаково сильными...

Однако Арам ее крик игнорирует, снова замахивается на меня.

— Я сейчас позову университетскую охрану! — кричит она.

Последнее действует на нас обоих.

Университетская охрана равно доклад в деканат, равно доклад бате, равно вселенскому песцу, ведь он больше не простит так просто. Вот такое вот хреновое уравнение.

Арам резко разжимает руки, выпуская меня.

— Все в порядке, Настена, — говорю я, давая понять, что этот комариный укус в виде тумака от брата мне вообще до одного места. — Не переживай за меня.

— А я и не переживаю, — вдруг выдает она. — Заберите ваши айфоны, отдайте мне мой телефон и деритесь сколько хотите! Мне вообще пофиг...

Пофиг ей.

— Чем тебе не угодил айфон? — спрашиваю исподлобья.

— Тем, что меня мама прибьет за ваши подарки! — продолжает злиться она. — Быстро верни мой телефон! Я почию его, если что...

Я шумно вздыхаю, открываю переднюю дверь машины, тянусь в бардачок и достаю ее телефон.

— Бери, — протягиваю ей. — Тут вот сверху трещина на экране, я не хотел, так вышло...

Настя выхватывает у меня мобильный.

— Оно так и было, идиот! — фырчит моя любовь и спешит уйти.

Мы с Арамом остаемся на парковке у джипа одни.

Только тут до меня доходит очевидное. Она сказала «телефоны»! Не один телефон.

— Ты что, подарил ей айфон? — предъявляю брату. — Договорились же, до ее дня рождения без подарков. Мы не будем ее покупать, она ж не товар!

— Так ты тоже подарил, придурок! — пышет гневом Арам. — Или скажешь, не так?

Мы спешим взять пакет, который мне вручила Настя. Там и вправду два мобильных телефона.

— М-да... — тяну с хмурым видом. — Могла бы оставить себе хоть один мобильник.

— Если ты еще раз подойдешь к Насте до ее дня рождения, тебе пиздец! — говорит Арам. Сплюсывает на асфальт себе под ноги и уходит.

Я же остаюсь, поглаживая нижнюю губу. Вспоминаю, что только что творил тут с Настей. Самые сладкие мгновения моей жизни, они стоят каких угодно тумачков.

Я три года схожу с ума по Настене. Три гребаных года...

Да, мне и правда пиздец... Если она меня не выберет.

Глава 6. Что она думает по этому поводу

Настя

Я сижу на задней парте в круглой аудитории на лекции по теории экономики.

Здесь несколько групп студентов, аудитория вместительная.

Преподаватель вещает о важности экономики, а я...

Вроде бы людьми окружена, вроде бы даже в тетради что-то пишу, точнее пытаюсь записывать лекцию. А на самом деле я там, на парковке возле джипа Артура...

До сих пор. Даже спустя час.

В сотый раз переживаю то, что случилось, и не могу пережить. Слишком сильные получила впечатления. Перед глазами так и мелькает Артур, его губы, сильные руки. Я почти чувствую мятный вкус его языка у меня во рту.

Близнецы Григоряны на пару так и не явились, к слову. Это будет их второй прогул предмета Прокоповича. Преподаватель злой и всех отметил в начале лекции, как и мое опоздание. Так что им придется попахать потом, чтобы закрыть прогулы.

Или не придется...

Они же барины. У них же папа миллиардер.

А я здесь на стипендии, которую чудом получила. Иначе пришлось бы пойти по протекции мамы в мед, и неважно, насколько медицина — не мое.

Интересно, почему Григоряны считают, что им не писаны правила? Это какие-то особенности воспитания?

Почему Артур считает, что может вот так запросто взять, прижать меня к себе и целовать...

Наверное, мне не было бы так обидно, если б не понравилось.

Но мне очень понравилось, и теперь я не могу спокойно дышать.

Украдкой прикасаюсь к губам. Они горят после наглых и таких смелых поцелуев Артура...

Не знаю, как это работает.

Григоряны похожи, как куриные яйца.

И характер у них один на двоих. Наглые пупы земли, которые считают, что им все можно, в частности застолбить человека и управлять его жизнью. Это я про себя, если что.

Но если заглянуть под это...

Они красивые парни, все при них. Лицом похожи больше на мать, хотя я видела ее всего несколько раз, но сходство очевидное. Пусть такие же смуглые и черноглазые, как отец, все равно на ярых представителей армянской национальности не сильно похожи. Обрусевшие, как мама говорит.

Они объективно красивые, одинаковые, если не считать родимого пятна на виске Артура.

Но мне всегда больше нравился именно Артур, несмотря на их схожесть. Я украдкой слежу за ним — это мое тайное хобби.

И когда он рядом, особенно когда прикасается, у меня по всей спине мурашки.

Однако так, как сегодня, он никогда ко мне не прикасался.

У меня реально подогнулись колени, когда он меня целовал. Ничего приятнее я в жизни не испытывала.

Все уплыло в другую вселенную, остались только его губы, сильные руки, горячее тело, шумное дыхание. Я даже не знала, что способна на такие яркие эмоции в принципе.

Как бы было хорошо, оказался он обычным парнем без заскоков, начини мы встречаться... Без вот этой вот трехлетней истории ужасов и абьюза, которая все напрочь испортила.

Уйдя глубоко в себя, я даже не замечаю, как открывается дверь аудитории, и ровно под конец пары Григоряны все-таки припираются на лекцию.

Они выслушивают ругань преподавателя, кивают, типа со всем согласны, а потом вразвалочку чешут в противоположную от меня сторону, садятся на пустую заднюю парту.

— М-м, Григоряны, — тянет одна из моих подруг, та, что сидит ближе.

Алиса Усачова, в недавнем прошлом блондинка, а теперь с розовой шевелюрой. Последние полгода упорно косит под Пинки Пай.

Она влюблена в Григорянов, не разделяет их.

Остальные подруги в количестве еще двух женских особей, что сидят в моем ряду неподалеку, также косятся в сторону близнецов.

Они все в них влюблены.

Все как одна.

И они все с ними спали.

Кто с Артуром, кто с Арамом. А кто сначала с Артуром, а потом с Арамом.

Я в нашей компании единственная девственница, и единственная, кого они не трогают.

Вот так... Типа любят, но не трогают. Ни в кино не водят, ни еще куда-то. Просто следят за неприкосновенностью своей собственности, то бишь меня, и наяривают моих подруг.

Естественно, девчонки спали не только с близнецами, но именно про них они докладывают мне с особой тщательностью. Чтобы я знала и жила с открытыми глазами, как они это позиционируют.

Я уже стараюсь не общаться ни с кем из подруг, почти никуда не хожу. А девчонки все докладывают и докладывают, как будто испытывают от этого кайф.

Другого выхода нет, я делаю вид, что мне все равно.

Хотя ситуация бесит до дрожи.

Вот и сейчас Алиса томно вздыхает и говорит:

— Артурчик такой неугомонный вчера был, смотри.

С этими словами она демонстрирует мне засос на шее.

Я вижу красную отметину и буквально зеленею от переизбытка чувств.

Неужели после этого он ожидает, что я его выберу? Раньше рыба запоем, чем это случится.

Сволочь!

Глава 7. Заявка на ее девственность

Настя

Я думала о том, что мне повезло найти работу бариста, ровно до той минуты, пока меня не оставили одну за кофемашиной.

В теории-то оно просто — когда тебе тщательно, а главное медленно показывают, как и что делается, объясняют тонкости приготовления эспрессо и капучино.

А на практике в меню тридцать вариантов авторского кофе.

И я не имею ни малейшего понятия, как готовить большую часть из них.

Меж тем кафе рядом с университетом достаточно популярное, студенты любят разнообразие.

Стою теперь, как барашка пялюсь на шеренгу ликеров с самыми разнообразными вкусами и молось, чтобы никто ничего сложнее латте не заказал.

Неожиданно за спиной звучит знакомый голос:

— Мне, пожалуйста, банановый фраппучино.

Фраппучино, вашу маму!

Я резко оборачиваюсь и вижу из-за прилавка кафе своего избитого приятеля.

— Костя... — вырывается у меня.

Мне говорили, что он в больнице со сломанными ребрами. Но вот он, здесь, стоит вполне себе целый и даже не закованный в гипс. Физиономия и та без синяков.

— Привет, Настюша, — говорит он с какой-то особенной интонацией в голосе.

Будто я ему — самый дорогой на свете человек. И смотрит он на меня соответствующе.

Мне становится дико неловко.

— Костя, ты извини меня, пожалуйста, за тот случай в кинотеатре... — тихо говорю я.
— Мне надо было предупредить тебя о Григорянах...

— Что у тебя с ними? — спрашивает он напрямик.

— Ничего, — фырчу, моментально разозлившись на бывших одноклассников, которые до сих пор отравляют жизнь, хотя мы уже студенты и давно пора вылезти из песочницы. — Они просто много о себе мнят. Но у меня ни с одним из них ничего не было.

— А хотела бы, чтобы было? — спрашивает он в лоб.

Вопрос даже кажется мне грубым, ведь это не его дело.

Но я все-таки отвечаю:

— Нет, не хотела бы. Меня вообще ничего такого не волнует, я в университет хожу не сниматься, а учиться.

— Ух, какая серьезная девочка. — Он снова мне улыбается.

— Да, серьезная. — Я строго на него смотрю.

— Вот и хорошо, — кивает он. — Мне нравятся серьезные девушки, а не эти прости господи...

Последнее высказывание очень настораживает. Совсем не хочется, чтобы из-за меня он снова отдыхал от лекций в больнице.

Я шумно вздыхаю и отвечаю ему:

— Тебе лучше ко мне не приближаться, во избежание, так сказать... Григоряны не успокоятся. Они никогда не успокаиваются.

— Я вроде бы не в постель тебя укладываю, — посмеивается он. — Пришел купить кофе, даже не знал, что ты тут работаешь. Или кофе тоже нельзя?

— Кофе можно. — Приходит моя очередь улыбнуться.

— Отлично, тогда мне банановый фраппучино.

Блин горелый!

— Костя, — тихонько его прошу, — я не умею делать фраппучино. Пожалуйста, закажи его завтра, я до завтра научусь. А сейчас, может быть, обычный латте? Можно за мой счет, раз фраппучино сегодня не состоится.

Он усмехается своей особенной кошачьей улыбкой, которая придает плюс сто к очарованию, и соглашается:

— Давай свой латте.

А потом берет и кладет двухтысячную купюру в прозрачную банку с приклеенной надписью «На вкусняшки для котиков». Как раз такую сумму мне обещали за одну рабочую смену. Ух, вот это чаевые!

— Что ты, не надо, — тяну я, чувствуя себя неловко.

— Конечно надо, ты же угощаешь меня кофе. — Он подмигивает мне.

Принимаюсь за работу, очень стараюсь ничего не напутать, но, кажется, все-таки путаю количество кофе, изрядно перебарщиваю.

Костик благодарит меня, берет пластиковый стакан с латте, пробует его и... ничего не говорит, просто уходит.

— Фух, — с облегчением выдыхаю.

И только в этот момент замечаю, что в дальнем конце зала сидят Григоряны... Когда успели зайти?

Сердце моментально начинает тревожно ныть.

Артур

Мы с Арамом сидим за дальним столиком кафе и пристально следим за тем, чтобы Костян ничего себе не позволил с Настей.

Никаких прикосновений, вообще ничего.

И мне, и Араму тошно даже смотреть, как он с ней разговаривает. И лишней минуты не хотим, чтобы он с ней провел.

Вышибли бы его отсюда к собачьим чертям, если бы не камеры. Но не хочется подставляться перед батеи во второй раз из-за одного и того же упоротого камикадзе, которому, видимо, нравится получать по роже. Или он думает, что папочка декан — это надежная крыша, которая защитит его от всего? Наш папахен в сто раз круче и своих никогда в обиду не даст.

А все же не хотелось бы лишний раз получать от отца люлей.

Он ведь и вправду выдал нам за прошлый косяк по новенькой зубной щетке и заставил чистить кафель в нашей ванной. Потому что мама у нас не ломовая лошадь, а горничной тоже надо хоть иногда давать выходной. И вообще, мы типа обленились и охамели в край. Будто сам хоть раз чистил кафель в ванной. Зубной щеткой... Деспот.

— Валит, — тихо подмечает Арам.

Мы в четыре глаза наблюдаем за тем, как Костян покидает поле боя несолоно хлебавши. Очевидно, что Настя его послала, раз так быстро свалил.

А если б не послала... Даже не знаю, что бы мы с ним сделали.

По идее, нам с Арамом тоже нужно валить, но...

Мы не уходим, слишком радостные оттого, что теперь практически на законных основаниях можем сидеть за столиком кафе и пялиться на Настю хоть целый день. Она нашла себе классную работу, мы готовы ей даже доплачивать.

По долгу службы ей придется теперь даже общаться с нами, причем мило. А мы большие любители кофе, будем подходить к ней раз в час за чем-нибудь.

— Ты первый за кофе, или я? — Мы с братом переглядываемся.

Успеваем даже чуть привстать, но оба нарываемся на злой взгляд Настены, который она бросает на нас через весь зал.

Не подходи, убьет.

Примащиваем задницы обратно на стулья.

— Давай позже? — предлагает Арам.

Киваю, что делать. Будет печально, если Настя попросит нас уйти так скоро, мы ведь на нее сегодня еще не насмотрелись.

Не сговариваясь, достаем из рюкзаков учебники по основам экономики. Ведь препод уже пообещал нам на следующем семинаре парное нагибаторство в извращенной форме за вчерашнее эпичное опоздание на пару. Это когда мы приперлись туда в самом конце. Лучше бы вовсе не приходили.

Оба делаем вид, что читаем, даже в головах что-то оседает.

Неожиданно пиликает сообщением мой мобильный.

«Привет, Артур, как дела?» — пишет мне в ВК профиль под ником Пинки Пай.

На аватарке вальяжно развалилась на диване подружка Насти, Алиса Усачева. Видели ее вчера со здоровенным засосом на шее. Шалава.

Я бы, как обычно, ее проигнорировал, потому что ну сколько можно уже подкатывать, знает же, что Настю люблю. Но в этот раз игнорировать не могу.

«Узнала?» — задаю один-единственный вопрос, пожалуй самый важный из всех.

Потому что возникла серьезная дилемма: как мы сможем завалиться на день рождения Насти, если не знаем, куда заваливаться.

Алиса пишет: «Отвечу, если сводишь в кино».

Сука.

«Я тебе денег дал, чтобы ты узнала», — напоминаю, а то вдруг забыла.

«Уже потратила», — не теряется она.

«Либо давай еще, либо...»

«Либо я сброшу пацанам инфу, что ты даешь в жопу», — припечатываю ее железным аргументом. Типа остались еще те, кто не в курсе.

«Я не даю!» — отвечает она и снабжает сообщение злующим эмодзи.

Пыхчу от раздражения. Сколько можно ломаться? Лезу в тот самый телеграм-канал, куда сливают голые фотки и видео девчонок из универа. Нахожу то, что гуляет там уже давненько. Голая девка со спины, с оттопыренной кормой, готова к внедрению. Подписано четко: «Алиса Усачева, лучший ракурс».

Пересылаю ей фото, пишу: «Дает. Твоя жопа?»

«Откуда это у тебя???» — Наверное, она там бьется в истерику.

Даю бесценный совет: «Думай, кому и что ты разрешаешь снимать и кому что сама отправляешь. И да, также неплохо было бы думать, с кем трахаешься».

Она молчит. Видимо обиделась, вот же с ебанцой деваха.

Снова ей пишу: «Узнала или нет? Спрашиваю в последний раз».

И она наконец отвечает:

«Узнала».

Продолжает сучка не сразу, держит интригу. Но наконец выдает:

«Настя сказала, что никак отмечать ДР не будет и весь день просидит дома».

Показываю сообщение брату.

— Ну блин, — пыхтит Арам. — Это из-за нас, что ли?

Пожимаю плечами.

Может такое быть, что из-за нас?

И тут вдруг Арам тычет мне в нос своим мобильником, цедит сквозь зубы:

— Костян Настю клейманул!

Слышу это, и меня пробивает током.

Клейм* в переводе с местного пацанского означает следующее: пообещал распечатать, заснять это дело на видео и выложить в Сеть. Заявочку такую обозначил, намерение обрисовал, сука...

Где он это все пообещал? Да в том же телеграм-канале.

Открываю новый пост в этом гадючнике, а там милое невинное личико Насти за кассой кафе.

И подпись: «Ангелочек, правда? Как ее отыметь, ребята? Делайте заказы в комментариях, пока я добрый. Выложу видео в ближайшие дни».

*Клейм от английского слова claim (требование; заявка; намерение; притязание).

Глава 8. Защитники

Артур

Мы с Арамом, не сговариваясь, подсказываем с мест и бросаемся вон из кафе.

Оглядываемся по сторонам, шуриясь от чересчур яркого солнца. Ищем гада, который на наших глазах творит такое с самым дорогим для нас человеком.

У меня в груди так долбит сердце, что сейчас, кажется, вылезет через рот.

Костяна у кафе ожидаемо нет.

Съебался по-быстрому, тварина.

Мы несемся на парковку. Этот мудель везде ездит на своей джили тугелла и всегда аккуратнейшим образом паркует машину на стоянке. Как по мне, так себе китайский седан, пусть и современный. С нашими геликами не сравнится.

Однако же...

Тугелла ездит значительно быстрее, чем мы бегаем.

Когда мы с Арамом прилетаем на парковку, Костян как раз вырывается с парковочного места, разворачивает машину и несется прямо на нас.

Мы разбегаемся в разные стороны, а он крутит нам фак и уматывает, как последний трус.

— Ты ж нам еще попадешься, сука! — что есть силы ору ему вслед.

Ведь в одном универе учимся.

И мне плевать, чей он там сын, и на сколько курсов старше нас.

Отхватит пизды только так и, должно быть, понимает это.

Но ему, по ходу дела, тоже все равно. Или решил давить авторитетом папика?

В любом случае в данной конкретной ситуации нам с Арамом только и остается, что встать рядышком да глядеть, как этот придурок уматывает на своей тачке.

Не удерживаюсь, размахиваюсь и со всей дури отвешиваю Араму подзатыльник. Получается такой смачный, что брат клацает зубами.

— Ты охуел? — орет он.

И моментально отвечает мне ударом под дых.

Хватаюсь за грудь, ловя ртом воздух, и ору на Арама:

— А кто сказал, что не хрен сегодня машину брать? Кто набздел перед батеи? Мы бы щас...

— Что мы бы щас? — цедит сквозь зубы Арам. — Уебались в какой-нибудь столб, пытаюсь догнать этого чиканутого? Без того водишь как маньяк! Батя бы нас тогда вообще тачек лишил.

Арам вечно так — сплошная, мать его, рациональность.

Злые и расстроенные, мы возвращаемся в кафе, где продолжают висеть на стульях наши рюкзаки.

Плюхаемся на свои места, зыркаем друг на друга.

— Это он специально, — пыхчу праведным гневом. — Чтобы нас позлить за то, что мы ему в прошлый раз обломали с ней свиданку и отпиздили к тому же...

— Мало отпиздили. — Арам со мной солидарен. — Надо было сильнее пинать, может до него бы тогда больше дошло.

Смотрю на брата и аж самого пробирает, насколько злым он выглядит. Я такой же взъерошенный и красномордый сейчас, да?

Не могу понять Костяна, хоть убей. На хрена он все это делает?

Нет, ладно еще ты мстишь недругам. Ну выпеши ты нас по одному, объясни, каков твой кулак на вкус, проверь на прочность наши морды.

Это мы бы поняли. За это даже заужавать можно.

Но девчонку-то зачем в это вмешивать? Ведь не по-пацански!

Я снова лезу в телеграм-канал, проверить не удалил ли случаем пост.

А он не удалил, тварь конченная.

Наоборот, пост набирает среди университетских пацанов просмотры, лайки и туеву хучу комментариев...

Мне очевидно, что Костян снял Настю на мобильник именно сегодня, пока ждал свой гребаный кофе. На снимке она стоит возле кофемашины и улыбается ему, причем не позерски, как девки обычно делают, а искренне так... Как давно нам с Арамом не улыбалась.

Верит этому муделю?

— Ты зацени! — пыхтит недовольством Арам.

И снова, как совсем еще недавно, тычет мне в нос мобильником.

А там на пост уже больше ста комментариев.

Все примерно одного характера:

«Какая милаха, я б ее вздрючил!»

«На каком факультете она учится? Чур, я после тебя к ней в трусы!»

«Без разницы, как отымеешь, главное сними четче ее письку, хоть подрочу».

«И сиськи тоже!»

У меня аж в висках стучит от переизбытка эмоций.

Не удерживаюсь, также пишу комм:

«Ты гандон штопаный, охуел в край! Проси админов удалить свой уродский пост! Настюха не про твою честь!»

Почти сразу добавляю:

«Или при следующей встрече зубы выплюнешь, тварь!»

Костян тут же реагирует:

«О, Григоряны очухались. Слышали такую аббревиатуру, как УК РФ? Попробуете ко мне полезть, в ментуре окажетесь, лохи печальные! И если че, вы только что прилюдно мне угрожали, я сделал скрины, так что у меня будут пруфы*».

— Да не отвечай ему, — ругается на меня Арам. — Он только кайф ловит от того, что троллит нас.

— Надо зайти с другого бока... — киваю брату.

Вариантов, впрочем, немного. Но они есть!

*Пруф — от английского proof, доказательство.

Глава 9. Онлайн-битва

Арту

Следующий, кому мы решаем написать, — администратор канала.

Царь, как он себя называет, в миру Вовка Царев.

Этот чел — родоначальник всего этого беспредела, аспирант экономического факультета. Будущее светило науки и по совместительству владелец порно-канала. Вот такая многогранная личность.

Однако ж и тут есть кодекс, который всегда соблюдается. Царь на этом настаивает и жестко наказывает всех, кто его нарушает.

Ему пишу я.

Нахожу его контакт, где на аватарке красуется лев в короне, и набираю текст: «Мою девушку выставили в канале в качестве будущей жертвы. Я готов внести взнос за нее. Рыбаков Константин не имел права на клейм. Прошу удалить пост и внести запрет на канале на Настю Новикову!»

Ведь девчонку нельзя трогать, если она за кем-то закреплена, это делается с помощью денежного взноса. И конечно, при условии, что это твоя девчонка.

Арам подсматривает, что я пишу. Пихает меня в бок:

— С хера ли она твоя девушка?

— Ты правда думаешь, сейчас время ее делить? — рычу на него.

Он затыкается, но я вижу, как его колбасит.

Мы оба нависаем над мобильником, который лежит на столе, ждем ответа админа.

И он приходит с поразительной быстротой. Точнее, Царь присылает нам аудиозапись.

Мы с Арамом суем по наушнику в уши и нажимаем на воспроизведение.

Очень скоро слышим нежный Настин голос, где она говорит дословно следующее:

— Мне надо было предупредить тебя о Григорянах...

— Что у тебя с ними? — Голос Костяна.

Дальше снова Настя:

— Ничего. Они просто много о себе мнят. Но у меня ни с одним из них ничего не было. На этом запись обрывается.

Мы с Арамом злобно зыркаем через весь зал на Настю, которая как ни в чем не бывало стоит у кофемашины. Вот же дура! Считаю, сама себя под монастырь подвела.

«Ты ж Григорян, так?» — приходит мне от Царя.

«Григорян», — нехотя отвечаю, ведь скрывать бессмысленно.

«Девочка за тобой не закреплена, Костян имеет право на клейм».

Пытаюсь доказать свою правоту: «Мы с ней с девятого класса дружим!»

Ответ неутешительный: «С девой можно сколько угодно дружить, заглядываться. Если она не твоя девушка, это не играет роли. На нее, может, пол-универа заглядывается. И что, теперь никому трогать нельзя?»

Меня моментально клинит. Печатаю со скоростью света: «Ты охуел со своим каналом? Это нормальная девушка, с ней нельзя так. Костян — моральный урод, я ему яйца вырву...»

Ответ приходит моментально:

«Бан на неделю за маты».

Бан, сука, на неделю...

— Пиздец... — цедит сквозь зубы Арам.

— Давай покажем Насте. — Я машу головой в ее сторону. — Пусть знает, какой Костик мудозвон!

— Ты попутал? — рычит на меня Арам. — Это пацанский чат, мы клятву давали. Если кто узнает, нам кранты, нас взъебут без вазелина...

— А что, лучше, чтобы она с ним...

— Этого не будет, — качает головой Арам. — Поехали к Дункану.

Я киваю.

Если нам кто сейчас и поможет, так только старинный друг, который в состоянии залезть в любое самое зашифрованное место. А уж взломать телеграм-канал — тем более.

Через два часа мы все еще сидим с Арамом за столом. Правда, территориально это уже на другом конце города, в общаге у бывшего одноклассника, который поступил в технический вуз.

Мрачная, тусклая комната завешена черными шторами, на стенах плакаты с черепами и крестами. Ничего-то в жизни нашего долбанутого друга-айтишника не изменилось.

— Ха, — хмыкает Дункан, почесывая давно не стриженную рыжую шевелюру. — Забористый у вас университетский канал. Даже жаль, что я поступил в другой универ...

— Ты взламываешь или херней страдаешь? — пихает его под бок Арам.

— Программа работает, подбирает пароли, — хмыкает он.

— Так она может еще неделю будет эти пароли подбирать, — взрываюсь я и хлопаю ладонью по столу.

Сам в сотый раз за последний час лезу в треклятый канал смотреть комментарии, которые там плодятся в геометрической прогрессии.

— Так не пальцем деланный, — отмахивается Дункан. — Я доработал программу, пашет в тридцать раз быстрее официального аналога, но и канал с защитой. Зуб даю, не вы первые пытаетесь нагнуть защиту и взломать эту клоаку.

Мы с Арамом барабаним пальцами по столу, ждем, жуем собственные губы от нервов.

Наконец Дункан вскрикивает:

— Мы в эфире! Надо действовать быстро пока никто не спохватился...

— Удаляй на хер пост этого мудозвона! — нервно кричу я.

— Я сделаю лучше, отредачу его...

С этими словами Дункан стучит по клавишам.

Очень скоро мы с ребятами читаем совершенно другое содержимое поста: «Извините, друзья, попутал, больше так не буду. Я — телега с говном». Фото Насти меняется на фото Костяна, причем пропущенное через фильтр таким образом, что он оказывается в коричневую крапинку.

— Ну ты даешь! — фырчит от смеха Арам.

— Умею, да, — ржет Дункан.

И меняет пароль на канале. Ставит свою защиту, чтобы у владельцев возникли серьезные проблемы с его разблокировкой.

На этом Дункан не успокаивается:

— Я тут поприкалывался немного...

С этими словами он поворачивает к нам экран своего ноутбука.

А там страница ВК Костяна, но вот ник какой говорящий: «Телега говна».

Дальше подписи под каждым фото: «Мой говновоз», «Говнодрилл» и так далее.

Мы с Арамом прыскаем смехом.

Но все же такой мести и близко не достаточно.

И надо что-то решать с Настиним днем рождения...

Глава 10. Перед днем рождения

Настя

После того как я отстояла свою первую смену в кафе ноги гудят и ноют. И это я была в кроссовках! Хорошо, каблуки не напялила.

Как бы было прекрасно прийти домой и лечь баиньки, но впереди еще подготовка к завтрашнему семинару.

Однако и это откладывается, потому что по приходе домой я нарываюсь на утрюмую мать. Она поджидает меня, сидя за столом на кухне.

И как только я прохожу в коридор, зовет холодным и злым голосом:

— Настя немедленно иди сюда!

Нервно сглатываю, прикидывая, что могла такого натворить, раз она так недовольна. Иду к ней, а внутри аж потряхивает от нервного напряжения.

— Мам, что случилось?

А она сидит перед пустой кастрюлей и смотрит на меня осуждающе.

— У нас с тобой договор, — цедит она сквозь зубы. — Я зарабатываю нам деньги на проживание, а ты готовишь и убираешь квартиру. Где еда?

— Мам. — Я смотрю на нее с недоумением. — Я ж говорила, сегодня у меня первый рабочий день...

— Какой еще рабочий? — Она будто вправду не помнит. — Ты в университете учишься. Или для тебя это неважно? В медицинский не пошла, чтобы работать кардиологом, как мать. Ведь достойнейшая профессия. Но не-е-ет, напрасилась на эконо, все ради того, чтобы стать паршивым экономистом, которых как собак нерезанных...

Я вся подбираюсь, мысленно отгораживаю себя от нее ледяной стеной.

— Я не буду паршивым экономистом, мам. — Смотрю на нее сузив глаза. — Буду хорошим...

— Каким хорошим? — посмеивается она. — Если ты и тут не учишься!

— Учусь! — невольно повышаю голос, но сразу же спохватываюсь, говорю мягче: — Мам, ну я объясняла же, многие студенты подрабатывают, и...

— И что? Заработала что-нибудь?

— Заработала, — отвечаю я, чуть задрав подбородок. — Вот целых четыре тысячи за первую смену, неплохо, а? И учебу не задвину, вот сейчас пойду заниматься...

— Где же они, эти мифические четыре тысячи? — Она щурит глаза.

Скидываю рюкзак, достаю кошелек и вынимаю купюры, кладу на стол.

— Вот видишь? — На какой-то миг я чувствую моральное удовлетворение. — Настоящие деньги, не мифические... Мам, ты что?!

Только успеваю пискнуть, как она берет деньги и прячет их в своем кармане.

— Считай, скинулась на коммуналку, — хмыкает она. — А что? Я всю жизнь тебя обеспечивать должна? Как папочку твоего, транжиру и мота... Взрослей.

С этими словами мать встает и направляется в свою комнату.

А я остаюсь на кухне и говорю ей в спину, сжав кулаки:

— Но как же... Я хотела юбку... день рождения скоро...

Она не реагирует, просто уходит.

А у меня колени подкашиваются и на глаза наворачиваются слезы.

Так и хочется в сердцах крикнуть: «Зачем ты меня рожала, мам? Чтоб было кого абьюзить?»

Только вот скандал раздувать не хочется.

Молча глотаю слезы, иду в ванную, умываюсь, а потом закрываюсь в своей комнате. Забираюсь на кровать, усаживаюсь поудобнее, укрываюсь пледом и пытаюсь вчитаться в учебник по теории экономики.

Не реагирую, когда мать через полчаса кричит из коридора:

— Настя, суши приехали!

Которые она, скорей всего, заказала на мои деньги. Правильно, чего б не шикануть?

Почему-то я снова давлюсь слезами.

Чтобы как-то отвлечься, лезу в телефон полистать ленту в ВК.

И тут мой телефон пиликает сообщением от Артура Григоряна. Сердце пропускает пару ударов, чувствую, как ладони начинают потеть.

Что ему нужно? Хочет обсудить поцелуй, который у нас случился?

Вспоминаю, как он прижимался ко мне своими нежными губами, и меня моментально бросает в жар.

Однако когда открываю сообщение, там ничего романтического нет.

Мне приходит скриншот поста из телеграма.

Фото меня в кафе и подпись, от которой волосы дыбом: «Ангелочек, правда? Как ее отыметь, ребята? Делайте заказы в комментариях, пока я добрый. Выложу видео в ближайшие дни».

Автор поста Костя Рыбаков.

Пока я пытаюсь прийти в себя от увиденного, Артур пишет мне дальше: «Мы с постом разобрались, его больше нет. Я отправляю тебе это, чтобы ты знала, что из себя представляет Костян. Не общайся с ним, Настя. А если будет доставать, говори нам, мы разберемся».

Обалдеть не встать, он серьезно?

Мне становится так мерзко, что хочется вырвать.

Не верю, что Костя способен на такое. Похоже на глупую шутку Григорянов. Тут же лезу в список друзей, куда совсем недавно добавился Костя. Хочу спросить у него, что это такое.

Однако Кости в друзьях нет. А профиль с его фото теперь называется Телегой говна.

Сижу с вытаращенными глазами, смотрю на это дело.

Артур продолжает бомбардировать меня сообщениями: «Настюш, пойдем на твой день рождения в ресторан? Только ты и я...»

«А Арам на ступеньках подождет?» — решаю его поддеть.

«Скажи, что ты выбираешь меня, а с Арамом я разберусь сам», — выдает он.

Но ровно в эту же секунду я получаю сообщение от Арама: «Настя, пойдем на твой день рождения в клуб? Только ты и я...»

Внезапно оживает профиль Телеги говна, он тоже пишет мне: «Настя, меня взломали, не могу поменять ник обратно, это Костя. Как насчет съездить на природу на твой ДР?»

Как же они меня все достали!

До трясушки прямо.

Я блокирую их всех.

— Ты идешь в бан, — бормочу себе под нос, тыча пальцем в экран. — И ты в бан, и ты тоже...

Ни с кем не хочу встречаться, никому из них не доверяю.

Одна буду праздновать день рождения, дома под одеялом. В обнимку с учебником.

Никто мне не нужен! Никто...

И вдруг мне приходит сообщение от старой школьной подруги из Ростова, Лизки Прошиной: «Привет, скоро буду в Краснодаре, участвую в фотосессии для бомбической фотостудии, там сто миллионов локаций для разных фото. Нам нужна еще одна модель твоего типажа. Поедем пофоткаемся? Бренд — огнище, они потом разрешают взять с собой платье или другой прикид».

«Фотосессия?» — с удивлением переспрашиваю я.

Это Лизка у нас модель, точнее обожает всякие такие штучки, с четырнадцати лет снимается где только можно. А я очень далека от всего этого. Тем не менее красивые фото от профессиональных фотографов, да еще в красивом месте и в брендовых шмотках... Это объективно вау.

«Фотосет будет зачетный, — продолжает соблазнять меня Лиза. — Обеспечишь себя контентом для странички на месяцы вперед. Соглашайся, Настя. На восемнадцатое сентября планы есть?»

Хихикаю себе под нос и пишу: «Восемнадцатого у меня день рождения».

«Блин, прости, забыла! У тебя планы, наверное, да? Куча гостей? С шумом отмечаете?»

А ведь у меня нет никаких планов...

Глава 11. День рождения Насти

Настя

Восемнадцатого сентября я отчего-то просыпаюсь с чувством, что вот-вот должно случиться чудо.

Сегодня мой день рождения. И в любой другой семье, наверное, чудо было бы возможным.

Но в моей вряд ли, ведь планов как-то отпраздновать никаких.

Словно в подтверждение своих мыслей, я получаю от мамы пару сообщений еще до того, как успеваю встать с кровати.

Первое: «С днем рождения».

Второе: «Прибери на кухне, помой посуду, постирай белье».

Именины сердца...

Вроде бы ничего обидного мама не написала. Она всегда скидывает мне задания сообщениями. Будь это любой другой день, я бы молча и без внутреннего протеста пошла выполнять все наилучшим образом. Но не сегодня же!

К предыдущим добавляется третье сообщение от мамы: «Буду поздно».

То есть она вообще никак не собирается отмечать со мной день рождения?!

Хоть вшивым покупным кексом?

Иногда мне кажется, что после ухода отца она узнала, что меня в роддоме подменили или еще что...

Как можно любить-любить своего ребенка, а потом так резко разлюбить?

Понимаю, они с папой женились по залету, и возможно, я виновата в том, что она сделала такой выбор мужчины, пошла с ним по жизни. Не будь меня, может, за другого бы вышла.

Но боже мой... Это же не я спала с папой и залетела на первом курсе меда!

И не я так пакостила на кухне, что тут надо полдня прибирать.

Это я обнаруживаю, когда иду туда прямо в ночной рубашке, чтобы оценить размеры бедствия.

Мама вчера в кои-то веки что-то решила приготовить.

Я из комнаты не выходила, чтобы перед ней не мельтешить. В последнее время стараюсь пореже показываться ей на глаза.

В результате ее стараний меня ждет полная раковина грязной посуды, выпачканная плита и еще сюрприз на столе. Пустая бутылка вина и бокал.

Мама выпила всю бутылку? Как же она пошла сегодня на работу... Теперь по крайней мере понятно, почему ничего не прибрала за собой. Поди, ей так захорошело, что она просто на это забила.

Открываю холодильник, чтобы проверить, что она там приготовила. А там нет ничего...

То есть еды мне не оставили, а грязную кухню — пожалуйста. Действительно, отчего бы мне не развлечься генеральной уборкой в свой день рождения. Это, видимо, подарок такой, другого все равно не ждать.

— Да сколько можно! — кричу я.

И не начинаю прибирать.

Не хочу! Не буду!

Разворачиваюсь и ухожу в ванную, злущая на весь мир.

Долго лежу в теплой воде, вдыхаю приятный розовый аромат пены. Усиленно лечусь от стресса.

Получаю сообщение от Лизки: «Настюш, все в силе? Рекламное агентство пришлет за тобой машину ровно в два часа дня. Не красься, прическу тоже не делай, там будут визажисты».

Визажисты... Профессиональный макияж...

Ни разу не пробовала, но я уже в предвкушении.

Убитое мамой настроение резко идет на взлет.

Хоть что-то хорошее сегодня случится — пофотографируюсь со старой подругой, потом выпьем с ней кофе, посплетничаем.

Уже совсем в другом настроении заканчиваю купаться.

Решаю, что день рождения — достаточно хороший повод, чтобы достать заначку и поесть где-то вне дома. Иду в кафешку неподалеку, заказываю там блинчики с джемом.

М-м-м, вкуснотища!

А когда возвращаюсь к подъезду ровно к двум часам, вижу припаркованный рядом красный лексус с номерами, которые мне скинула подруга.

Только вот она написала: «Красная машина с таким-то номером...» И не уточняла, что это будет лексус.

Однако, вау.

Подхожу к машине и с улыбкой машу водителю.

А там женщина! И какая...

Ей лет пятьдесят-шестьдесят, но как стильно выглядит в красном пиджаке под цвет машины, с черными волосами, убранными наверх. И ресницы у нее такие, ух! Длинные, хотя видно, что свои.

— Настенька, это ты? — спрашивает она, приоткрыв окно машины. — Я за тобой. Присаживайся, отвезу тебя в фотостудию.

Я точно знаю, что никогда не видела эту женщину, но... Она мне кажется дико знакомой и даже какой-то родной. Ее глаза, форма губ, тембр голоса...

Честно говоря, до этого момента я ни разу не каталась на лексусе, а тут...

Просто чудесная поездка, причем под вполне себе отличную музыку. Не знаю, как так получилось, но в машине звучало как минимум несколько композиций из моего плейлиста в ВК. Откуда бы водителю их знать? Или это совпадение такое? Но настроение повышается кратно.

Солнечный сентябрьский день становится для меня еще чуточку ярче.

Когда меня привозят к воротам двухэтажного дома, где находится фотостудия, со двора буквально вылетает Лизка.

Выпрыгиваю из машины, несусь к ней на всех парах и визжу от счастья.

— А-а-а... — кричим мы в унисон.

Осматриваем друг друга, как диговинку.

Хоть мы и общались по переписке довольно часто, но по факту три года не виделись — с тех самых пор, как мы с мамой уехали из Ростова. Я-то не сильно изменилась, а вот Лизка — очень даже. Вымахала, теперь на полголовы выше меня, а лицом такая же хорошенькая, голубоглазая. Между прочим, натуральная блондинка, прямо как я.

— Пойдем, я тебе все покажу, уже полчаса тут осваиваюсь!

Она хватает меня под локоть и ведет во двор.

Как только попадаю туда, у меня невольно вырывается возглас:

— Вау...

Тут фонтан и зеркальная стена прямо на улице — такая фотозона. Причем по этой стене можно пустить воду для пушечного эффекта.

Чуть дальше веревочные качели, а еще лавочка и красиво накрытый стол на веранде.

В каждом месте, куда ни глянь, можно с комфортом устроиться и селфиться до потери пульса. А уж с профессиональным-то фотоаппаратом революцию можно совершить в мире фотографии.

— Красиво тут, — говорю я.

— Это только начало, — хихикает Лизка.

И снова тащит меня вперед — на этот раз в дом.

Большой, двухэтажный, он имеет кучу комнат, в каждой из которых своя фотозона.

— Но нам сначала в примерку, — заговорщически улыбается Лизка.

Я бегу за ней по ступенькам на второй этаж.

Очень скоро мы оказываемся в просторной комнате с двумя креслами возле зеркал, обрамленных по контуру светильниками. Всегда мечтала о таком столе для макияжа! Тут нас ждут аж четверо работников с целыми чемоданами косметики, лаков, средств для укладки и прочей прелести.

Следующие два часа мы с Лизкой балдеем.

Нам делают маникюр, педикюр, шикарные укладки.

Мои волосы теперь выются крупными локонами и приобрели такой объем, как никогда раньше. А какой нежный и элегантный мне сделали макияж! Вроде бы он есть, а вроде бы и нет, настолько естественные и идеально подобранные цвета помады, теней и румян.

Мы с Лизкой снова чуть не визжим от счастья, когда нам показывают одежду.

Джинсы скинни, джинсы палаццо, топы всех цветов радуги...

Потом в ход идут вечерние наряды.

Мне достается красное платье в пол с V-образным вырезом какого-то именитого дизайнера.

Следующие часы, как в тумане...

Мы прыгаем и скачем по всему дому на пару с фотографом и его ассистентом. Позируем здесь, позируем там, позируем с подвыподвертом.

А потом сходим с ума от восторга, просматривая полученные снимки на ноутбуке.

Чувствую себя если не принцессой, то особой очень к ней приближенной.

Никогда у меня не было таких красивых фото, и такого красивого платья тоже.

— Лизка, это мой лучший день рождения! — признаюсь ей.

По набору эмоций так уж точно.

— То ли еще будет, там внизу фуршет. — Она подмигивает мне правым глазом.

— Еще и фуршет?!

Я очень удивлена.

Уставшие и абсолютно счастливые, мы вываливаемся из дома ровно на закате.

И...

Видим, что двор неузнаваемо преобразился.

Прямо посередине рядом с фонтаном теперь стоит стол, накрытый белой скатертью. Посередине стола трехъярусный торт, а рядом парит в воздухе привязанный к стулу огромный воздушный шар в форме цифры восемнадцать.

Раздается оглушительный залп.

Баба-а-ах!

И в небе взрываются салюты.

На закате это смотрится особенно ярко и красиво.

Мы с Лизой стоим шокированные и читаем надпись из разноцветных огней: «Настя, с днем рождения!» Как такое можно сделать с помощью салюта?

А через секунду откуда-то из-за дома появляются Григоряны.

Не то чтобы я уже не догадалась, чьих рук дело сегодняшняя фотосессия...

Этих свинок можно обвинить в чем угодно, но не в отсутствии романтики.

Я смотрю на близнецов, а они широко мне улыбаются. Интриганы. Еще и Лизку мою умудрились подговорить, во дают!

И что странно — у меня нет никаких сил на них злиться.

Наоборот, с появлением Артура Григоряна счастье стало полным. Ведь это так приятно, когда милый сердцу человек творит что-то такое, необыкновенное.

Конечно же, он делал это не один, а со своим братом Арамом, но я его едва замечаю.

Прости, Арам...

Мы с Лизой подходим к столу, Григоряны шагают к нам.

— Настя, тебе понравилось? — спрашивает Артур.

А мне очень понравилось! Никто и никогда так для меня не старался. И не угадывал с подарком. Я не приняла бы от Григорянов ничего материального, но они подарили мне впечатления и море фотографий на память.

Я стою абсолютно счастливая!

В добавление к этому ощущению, когда Артур делает шаг ко мне, я привычно чувствую, как все внутри сладко замирает, сердце екает и начинают гореть губы. Всему виной тот наш поцелуй на парковке.

Вдыхаю воздух, в надежде ощутить его парфюм. И, кажется, окончательно понимаю, какой выбор хочу сделать этим вечером.

Три последних года были тяжелые, Григоряны вымотали мне все нервы своим бесконечным покровительством и попытками меня контролировать. Сколько носов они из-за меня разбили, сколько раз отвели меня домой, когда им казалось, что я в ненадлежащем месте, в ненадлежащей компании...

Наверное, мне стоило бы выбрать Арама, ведь он спокойней и творит в разы меньше дичи, чем его брат. Но сердцу не прикажешь.

Здесь и сейчас, после волшебного салюта и красивого жеста, я хочу быть с Артуром. Может, он забудет про других девушек? Может, у него с ними было несерьезно? Или я просто наивная дура, которая растаяла? В восемнадцать, наверное, это не такой уж большой грех.

От глупых мыслей отвлекает Лизка, она пихает меня локтем в бок и шепчет на ухо:

— Классные они у тебя!

— Ага, прибила бы... — хмыкаю я скорей уж по привычке, ведь злиться на близнецов сейчас у меня совсем не получается.

Я обращаюсь к близнецам:

— Это вы все устроили?

— С днем рождения, Настена, — говорят они хором.

Я смотрю в глаза Артура, вижу там миллионы пляшущих чертиков, и мне хочется петь от счастья, что он рядом.

С замирающим сердцем я шепчу:

— Спасибо!

Артур мое спасибо буквально кожей впитывает, тут же тянется к бутылке шампанского, которая стоит в ведерке. Открывает ее с громким хлопком, разливает игристую жидкость по бокалам.

Воздух наполняется виноградным ароматом.

— Девушки, угощайтесь, — приглашает Арам и хочет вручить нам бокалы.

Я никогда не пила шампанское, и мне любопытно попробовать.

— У меня для Настены есть тост, — говорит Артур.

Мы с Лизой берем по бокалу.

Артур уже открывает рот, чтобы сказать свое пожелание.

Надо же именно в этот момент моему телефону запеть ту самую мелодию, которую я выставила на маму...

У меня в висках моментально начинает стучать от волнения. Небось, мама вернулась с работы, обнаружила дома раскардаш и звонит выяснить отношения, заодно переехать меня танком за то, что я не дома. Если возьму трубку, сто пудов все услышат ее визги.

Заранее сжимаюсь от стыда.

С опаской достаю мобильник и сбрасываю звонок.

— Извините, мне срочно нужно попудрить носик, — говорю я, вручаю свой бокал Лизке и убегаю в дом.

Лучше я ей оттуда перезвоню, чтобы без лишних ушей.

Уже жалею, что не прибрала кухню. Что мне стоило это сделать, в конце концов?

Решаю перезвонить маме в туалете, чтобы меня точно никто не слышал, ведь сейчас придется извиняться, или она не успокоится.

Закрываюсь в дамской комнате, активирую экран, уже собираюсь набрать номер мамы, как вдруг мне падает в мессенджер сообщение от подруги Алиски. Той самой Алисы, что теперь везде тусит с ником Пинки Пай из-за розовых волос.

Первым идет фото, которое не проигнорируешь — тест с двумя полосками. Похоже, кто-то приплыл...

А потом она обрушивает на меня сообщения:

«Настя, я прошу тебя об одном одолжении!»

«Умоляю!!!»

«Артур сказал, что если ты не выберешь его, то он будет со мной встречаться».

«Я беременна от него».

«Пожалуйста, выбери Арама!»

«Какая тебе разница? Они же одинаковые!»

Она этими сообщениями, будто деревянным тараном, со всей дури методично бьет мне в грудь. И это жутко больно! Разбивает все внутри...

То есть она в курсе, что сегодня близнецы устроили мне вечеринку, на которой сто процентов попросят выбрать? Откуда?! Неужели они с Артуром это обсуждали? Когда? Лежа в постели и делая общего ребенка?!

Фу...

Зачем он так со мной?

Разве к любимой девушке так относятся? Тебя люблю, а ребенка другой делаю...

Не любовь это никакая. И выбор сегодня будет не для того, чтобы со мной потом строить крепкие надежные отношения. А ради галочки, чтоб гештальт закрыть.

Опа... Настя выбрала меня! Трахну ее и пойду дальше раздаривать направо и налево свою ДНК.

Вообще ничего человеческого нет в этом Артуре Григоряне! И Арам не лучше, если судить по отзывам подруг.

Напрочь забыв перезвонить маме, я выбегаю из туалета в слезах.

Очень стараюсь подавить в себе истерику, но получается откровенно паршиво.

Так и выхожу с блестящими от слез глазами.

Вот только никто не понимает, что это у меня не от неземного счастья. Сюрприз-сюрприз!

И первый вопрос, которым Григоряны меня ошарашивают, когда выхожу:

— Настя, выбери одного из нас, пожалуйста!

В ту же секунду во мне просыпается такая страшная обида, что хочется наброситься на Артура с кулаками. А даже если наброшусь? Что толку? Он вдруг поймет, какая он сволочь?

И Арам не отстанет.

Они оба не отстанут.

Никогда...

— А давайте сыграем в бутылочку! — неожиданно веселым тоном предлагаю я.

Подхожу к столу, оглядываю, что б такого взять. Чуть поодаль рядом со стаканами стоит бутылка минеральной воды, а также небольшие стеклянные бутылочки с колой. Беру одну, открываю. Содержимое с характерным шипением выливается в стакан. У меня в руке остается пустая тара — отличный инструмент!

Кладу эту бутылочку на широкую серую плитку, которой покрыт двор фотостудии, оглядываюсь на офигевших близнецов и раскручиваю.

— На кого покажет, того и выберу, — громко объявляю.

Близнецы шокированы моей липовой серьезностью.

— Ты что творишь? — возмущается Арам.

— Будь серьезней, Настя, судьбу себе выбираешь, — это уже Артур.

Бутылочка меж тем вращается-вращается, жалобно дзинькает, ударяясь о плитку снова и снова. И замирает, указывая на...

Глава 12. Безжалостный выбор судьбы

Настя

Арам!

Бутылочка из-под колы указывает на Арама!

Причем четко указывает, ни сантиметром влево или вправо.

Все ошарашенно смотрят на эту самую бутылочку, в том числе и я.

Я ведь как надеялась — она покажет куда-то вбок или на Лизку. Вот я и выдала бы: «Судьба против того, чтобы я выбирала. Пока, мальчики, спасибо за салют».

Но... Но!

Откуда ни возьмись появляется ветер, начинает трепать мои пушистые локоны и шелк красного платья, которое на мне надето. А я стою возле проклятой бутылочки и не понимаю, что сейчас натворила.

Близнецы отодвигают Лизку в сторону, шагают ко мне.

Артур злющий как сто чертей:

— Ты нормальная вообще? — кричит он на меня. — А ну-ка, бери эту бутылку и перекручивай! Быстро, Настя!

Я пчусь назад, напуганная его агрессией.

Упрямо твержу, сама не зная зачем:

— Ничего не буду перекручивать.

Видно, включился режим «сделай назло».

— Это вообще несерьезно! — продолжает орать Артур. — Что значит, она бутылочкой выбрала? Это нормально, ты считаешь, брат?

— Успокойся, Артур, — пытается урезонить его Арам. — Мы знали, что выбор будет непростой, и он случился.

— Ты ебнулся, что ли? — Артур размахивает руками. — Я бы сейчас стоял и молча обтекал, если бы она серьезно выбрала. Вдумчиво и от сердца. А она как сделала?

— Уже без разницы — как, — отрезает Арам.

— Как это — без разницы?! — не успокаивается зачинщик. — Тебе нормально, что тебя бутылочкой выбрали себе в спутники жизни? А если бы чуть влево, получился бы я. Тебя бы это устроило? Она б еще считалку посчитала! Ты бы такому обрадовался? Эники-бэники ели вареники, Эники-бэники клац. Может, ты так хотел? Я на другое рассчитывал! На толику серьезности...

— Без разницы, — все тем же рассудительным тоном повторяет Арам. — Бутылочка, считалочка. Она выбрала. Точка.

— Какая на хер точка? — сверкает глазами Артур. — Настя иди сюда!

С этими словами он резко бросается ко мне, норовит схватить за плечо.

И вдруг меня загораживает собой Арам. Он уже не спокоен, моментально показывает клыки и орет на брата во всю мощь своих легких:

— Отвали от моей девушки! Не смей ее трогать!

Вот так неожиданно-негаданно я стала девушкой Арама Григоряна, и он, кажется, воспринял мой прикол с бутылочкой очень серьезно.

Что ж... По крайней мере, Арам не разбивал моего сердца, поскольку мне никогда не было дела до того, с кем он спал.

Может, у него тоже какой-нибудь тайный ребенок от другой моей подружки? Надо бы выяснить.

Парни меж тем продолжают собачиться.

— Она не твоя девушка, — Артур разминает шею, будто сейчас собирается вступить в драку.

Я отлично знаю этот его жест! Я его не раз видела.

Кого будет бить? Арама? Меня?

— Девочки, на выход, — вдруг командует Арам.

Хватает меня и Лизку за руки и уводит со двора, а мы слушаемся, обалдевшие от такого развития событий.

Что удивительно, Артур ему позволяет, провожает осатаневшим взглядом и ждет брата обратно. На разборки? Очень похоже.

Меня всю трясет от финальных событий вечера. Лиза тоже кажется испуганной.

Один Арам спокоен, как танк.

Он вызывает такси.

А пока авто едет, он поворачивается ко мне, берет за руку и вкрадчивым голосом произносит:

— Настюша, ни о чем не волнуйся. Ты сделала правильный выбор.

Стою, как дурочка, смотрю ему в глаза и не знаю, как сказать, что я, в общем-то, не выбирала по факту. Я просто крутанула бутылочку, чтобы они от меня отстали.

Арам будто читает мои мысли:

— Сама не поняла, что сделала, да?

— Да, — тихо шепчу я.

Кажется, он меня понимает.

— Ну, привыкай, — отвечает Арам. — Теперь я твой парень.

Нет, ошиблась, не понимает.

Только открываю рот, чтобы объяснить, а он меня опережает:

— Переспи с этой мыслью, обдумай все. Я приеду к тебе завтра, и мы обо всем поговорим. А сейчас тебе лучше уехать, мне нужно разобраться с братом.

С этими словами он усаживает меня в подъехавшее такси.

Я никогда не думала, что Арам Григорян настолько эмоционально взрослее брата. Ведь за секунду все разрулил!

Глава 13. Эмоционально (не) зрелый

Артур

Мы с Арамом синхронно выскакиваем из машины бабушки — каждый с разных сторон, громко хлопаем дверьми.

— Вы что мне имущество портите, оглоеды? — ругается она и тоже выходит во двор.

Главное, сама посадила нас в свой красный лексус, сама домой привезла, а теперь ей, видите ли, родные внуки дверьми не так бахают.

Надо же именно в этот момент из дома показаться родителям. Только их не хватало для полного счастья. Как назло, они тут же подходят к нам.

— Мама, — обращается к бабушке отец. — Ты куда их возила? Они, вообще-то, наказаны!

— За что это они наказаны? — Бабуля поджимает полные губы, сверкает черными глазами.

Уж что-что, а никаких наказаний, которые на нас навешивают родители, она не приемлет.

— За драку! — Отец поднимает вверх указательный палец. — И денег лишены по этой же причине. И вообще, ваннные комнаты давно не мыты. А ну, зубные щетки в руки, и вперед...

— Шутишь, что ли? — фырчит бабушка.

— Все мыто. — Мы с Арамом хмуримся. — А то, что из дома уехали, так было надо.

— Что это вам было надо? — разоряется отец.

— Остынь, Мигран, — цокает языком бабушка. — Хватит наседать на молодежь, как будто сам таким никогда не был. У них повод — день рождения у Насти, поздравляли...

— Опять эта Настя, — снова возмущается отец. — Откуда взяли деньги на поздравления? У бабушки клянчили? Что дарили? Опять айфоны? Учтите, я знаю про ваши выкрутасы все...

— Да мы так, по-скромному, — оправдывается Арам. — Шариков ей принесли. У бабушки денег не клянчили, нет...

К счастью, особенно клянчить и вправду не пришлось, ведь и у меня, и у Арама имеется по копилке.

И не той, что в форме хрюшки стоит на полке камина, а той, что на карте, и съедает десять процентов от каждой покупки, заботливо кладет на отдельный сберегательный счет.

Я туда год не лазил, а Арам два. Оказалось — суммы лежат. Ну и бабуля, само собой, подсобила. И деньгами, и советом, причем с большим удовольствием. Отзывчивая она у нас, добрая. Это она про платья и макияж подсказала, и подружку позвать тоже предложила. Но отцу о том знать необязательно.

Эх, знал бы я на что трачусь, ради чего стараюсь...

Впрочем, на Настю не жалко, даже несмотря на финал вечера. Который должен был быть другим!

— Так вы были с Настей? — не унимается мать. — И что?

Она внимательно на нас смотрит, видно ждет пояснений.

А я даже не хочу вспоминать про ту дичь, что творилась во дворе фотостудии.

Пока эта сраная бутылка вертелась на плитке, громко стуча, у меня было такое ощущение, что сердце порвется на британский флаг. Стук-стук-стук, как будто судьба мне в дверь стучала. А оказалось, что все-таки не мне, Араму.

— Арама выбрала девочка, — зачем-то отвечает за нас бабушка.

— Арама? — Мать будто бы удивлена.

Неожиданно я ловлю этот момент...

Когда оба родителя смотрят на брата и кивают ему, будто одобряют. То есть им всем нормально, что Арам будет встречаться с Настей, а я как бы не у дел. У стеночки постою, с краю...

— Я что, паршивая овца в семье? — Зло на них зыркаю. — Вы типа рады, что она Арама выбрала? Нормально вообще?

— Сыночек, что ты такое говоришь? — тут же начинает лебезить мать. — Ты никакая не паршивая овца.

— Максимум олень... — это уже Арам.

Смотрит на меня с блядским превосходством, и снова хочется дать ему в рыло.

— А ты че радуешься, мудель? — Впечатываю в него убийственный взгляд. — Она гребаную бутылочку покрутила! Сказала, на кого укажет, того и выберет. Это не она тебя выбирала, а сила инерции, из-за которой бутылка продолжала крутиться. Случайность! Ты ей на хер не нужен!

— Артур! — отец строго на меня гаркает. — Будь добрее к брату! Что ты такое несешь? Настя выбрала, значит так тому и быть. Не смей задирать брата, он ведь к тебе не цепляется!

Последняя фраза отца меня буквально выхлестывает:

— А че ему ко мне цепляться? Это ж его выбрала гребаная бутылочка, а не меня. Это он типа теперь имеет какие-то права на Настю, а не я. Ему-то че рамсить?

— Сын, главное, уразумей! — строго шипит отец. — Если б она Арама не хотела выбирать, уж сказала бы, разве нет? Язык у нее имеется. А раз не возражала, значит ей подходит этот выбор.

Это-то и бесит меня больше всего.

Глава 14. Свидание с Григоряном

Настя

Я кручусь в кровати, не могу никак найти себе удобную позу.

И экономика не учится, и печеньки не едятся, и чай не пьется, вон кружка стоит на столе рядышком, уже давно остыла.

Все маюсь из-за этой истории целые сутки.

Глупость вчера сделала, нехорошо поступила.

Надо было честно и откровенно сказать Григорянам — вы мне не подходите.

И объяснить почему: Арама не люблю, а Артур — блядун.

Надо было в глаза ему кинуть обвинение в том, что он с Алиской спит. Надо было ему тест показать! Прямо фото под нос, и пусть бы оправдывался.

Вот только это все в теории хорошо. А на практике мои предъявления Артуру не имеют ровно никакого смысла. Ну не сказал бы он мне правду! Отбрехался бы.

Ведь, по сути, доказательств у меня ноль. Что такое фото теста? Их в интернете миллион и тысяча.

А то, что мне Алиса месяцами лила в уши, какой он офигенный в постели и как ей нравится с ним спать, — этого к делу не пришьешь. Но и из памяти не сотрешь.

И все-таки одно дело, когда парень до тебя с кем-то спит. Другое — когда он тебе не дает даже в кино сходить с другим, а сам вытворяет такое. Или соломку себе стелет — мол, если Настя меня не выберет, с тобой, Алисочка, встречаться буду.

Кто так делает? Распоследний подонок, вот кто!

Я безумно зла на Артура Григоряна. И только эта злость спасает меня от того, чтобы не утонуть в болоте боли.

Ведь там во дворе фотостудии я на секундочку поверила, что мы с Артуром сможем стать счастливыми.

Не сможем.

Потому что, даже если бы не было ребенка, даже если бы мы с ним сейчас начали встречаться с чистого листа, он бы все равно изменял. А моя нервная система такого отношения не выдержит.

И Арама обижать не хочется.

Ведь в их семье он самый нормальный. По сути, ничего плохого не сделал мне. Разве что все эти годы потакал желанию братца держать меня под колпаком. Ведь сто процентов это была идея Артура.

Арам любит, наверное...

Днем прислал приглашение: «Пойдешь со мной в клуб?»

Хотя обещал приехать и просто поговорить.

Клуб — офигенное место для разговоров, да? Прямо все-все обсудить там можно.

И что удивительно — мне очень хочется пойти в тот клуб.

Он же не в абы какой приглашает, а в модный, тот, куда ходил весь универ, ну разве что кроме меня. Я ведь вообще нигде не была.

Все же мне не хочется пользоваться чувствами Арама ради того, чтобы сходить повеселиться.

Честно и откровенно ему пишу:

«Арам, я думала, мы просто поговорим. Я вчера глупость сделала с этой бутылочкой. Мне не нужно было ее крутить и выбирать таким образом».

«Ты хотела выбрать Артура?» — спрашивает он в лоб.

Хотела. Но ни за что не выберу.

«Нет, — пишу ему. — Я никого из вас не хотела выбирать. Потому что для того, чтобы выбирать, надо доверять человеку, испытывать к нему чувства...»

«Настюш, давай так, — вдруг предлагает он. — Я за тобой немного поухаживаю, а ты потом решишь, нужен или нет. Я ж понимаю, что ты в меня не влюблена, а хочется, чтобы влюбилась».

Вот же свинюка, а?

Как он так легко находит ко мне подход? Артур хоть бы раз попытался... Но нет, мы лучше будем оплодотворять всяких Алис, чем попытаемся наладить со мной диалог. Как это старается сделать Арам, например.

Пора смириться, Артур просто меня не любит. Я ему для галочки, так, зарубка на кровати, не более.

На глаза снова наворачивается слезы.

Забываем, забываем про Артура.

Пишу Араму: «Хорошо».

В конце концов, никто не умрет, если я схожу с Арамом в клуб, так?

Глава 15. Арам

Настя

За все три года, что я находилась под колпаком у Григорянов, в общем-то почти никуда не ходила. Девчонки редко звали меня погулять, да и потом мне уже не хотелось идти. Ведь только и разговоров было, что про близнецов.

А сами Григоряны... Хоть в кино бы сводили или еще куда...

Поэтому, даже несмотря на то что сама согласилась идти в клуб с Арамом, я все еще на него злюсь. На него и в особенности на его брата-кобеля, о котором стараюсь не думать, потому что думать про Артура больно.

Арам ждет меня во дворе у своего черного гелика.

Стоит в черной рубашке и джинсах, весь такой модный. Его руки сцеплены в замок, а сам он так и сверлит меня взглядом.

Неловко закрываю дверь подъезда, подхожу.

С удивлением обнаруживаю, что Арам выдыхает — будто бы с облегчением.

Что, он думал, я сделаю? Побегу обратно домой при виде его?

Словно в подтверждение моих мыслей, он говорит:

— Честно, я думал, ты не выйдешь ко мне...

И одной этой фразой он показывает, насколько важно ему было то, чтобы я спустилась.

Становится приятно, что я так много для него значу.

— Разреши, помогу, — просит он и галантно открывает мне дверь.

Осторожно сажусь в машину, оглядываю кожаный салон.

Тут обалденно, к слову, — все такое новое: и большой экран на панели управления, и камера заднего вида. Машина — почти звездолет изнутри.

Арам будто бы не замечает, с каким восхищением я оглядываю его машину. С таким же восхищением оглядывает меня.

Я очень постаралась сегодня достойно выглядеть. Накрутила волосы, превратив их в пышную копну, пытаюсь повторить прическу, которую мне сделали на день рождения. Влезла в туфли с каблуками, джинсовую юбку до середины бедра. Сверху надела синюю кофточку — четко под цвет глаз.

— Настя, ты очень красивая, — говорит Арам.

И я слышу какую-то особенную хрипотцу в его голосе. Никогда он так со мной не говорил.

— Арам, я...

Не знаю, что ему сказать.

Я ведь никогда не приглядывалась к Араму в романтическом смысле, мне всегда достаточно было его брата.

Но теперь, когда мы вдвоем, а Артур для меня больше не существует, я будто заново знакоюсь с Арамом.

Надо признать, мне нравится это знакомство.

Арам... Он какой-то более настоящий, что ли.

У него чуть другой тембр голоса, он обалденно пахнет — морским бризом и нотами чайного дерева. Такой мужской и в то же время свежий парфюм.

А еще Арам очень озорно улыбается мне.

— Любишь танцевать, Настюш? — Сказав это, он наклоняется к моему лицу, будто хочет поцеловать.

Но не целует, только смотрит.

Чувствую в его дыхании аромат мяты. Жвачку пожевал? Или почистил зубы перед свиданием?

Кстати, когда-то на школьных дискотеках я была звездой танцпола.

— Очень люблю, — решаю не врать.

— Отлично, тогда поехали подвигаемся.

Он так и не целует меня, хотя на несколько секунд остается подозрительно близко к моему лицу. Это заставляет сердце биться чаще.

Из-за Арама? Чаще?

— А почему ты решил отвезти меня именно в клуб? — спрашиваю я, поправляя подол юбки.

— Я три года мечтал станцевать с тобой медленный танец.

Он мне подмигивает!

А потом тянется куда-то назад, достает букет роз и кладет мне на колени.

У меня захватывает дух от красоты, ведь это мои любимые чайные розы оттенка оранжевый. Откуда он узнал?

Отчего-то в эту секунду я уверяюсь в том, что судьба на свете все-таки есть. Пусть в моем случае ее перстом оказалась бутылочка из-под колы.

Настя

Мы с Арамом сидим за столиком на втором этаже огромного танцевального зала. Отсюда видно танцпол первого этажа и диджея, который старается вовсю.

Музыка так орет, что мы с Арамом даже не пытаемся говорить.

На столе ровно между нами стоит ваза, в которой находятся мои розы.

В руке у меня коктейль — вкусненький клубничный мохито. Пригубляю его, чувствую сладость на языке, а потом руку Арама у себя на плече.

Он наклоняется ко мне совсем близко, говорит на ухо:

— Пойдем, потанцуем?

Меня два раза просить не надо.

Ставлю бокал на стол, даю Араму руку.

Он нежно сжимает мои пальцы, помогает подняться. Потом приобнимает за талию и ведет вниз, где десятки людей извиваются на танцполе под заводную музыку.

Арам, кажется, родился в этом клубе. Пока мы двигаемся к танцполу, он здоровается с кучей народа, потом ведет меня в самый центр. Главное — нас пропускают! Как будто у него там забронировано vip-место для танцев.

И вот мы уже практически единый организм с остальными танцующими. Двигаемся в такт, играем с Арамом взглядами.

Это продолжается минуту или час, время будто растягивается или, наоборот, сжимается. Меняются лишь треки, а притяжение между нами возрастает.

И мне так хорошо, что хочется подпевать.

А потом Арам дает кому-то знак, и все разом замирает.

Музыка замолкает, огоньки останавливают движение.

Диджей делает объявление:

— Самый красивый медленный танец для бесподобной девушки Насти!

Чувствую, как сердце пропускает пару ударов, оглядываюсь на Арама. А он цветет улыбкой, смотрит на меня в упор.

Когда играют первые аккорды медленной композиции, я ощущаю его руки на своей талии. Он прижимает меня к себе, причем делает это вроде бы деликатно, но очень настойчиво. Я бы даже сказала, властно.

Такой Арам мне незнаком.

Он ведь обычно находится в тени своего брата, позволяя ему рулить.

Но не сегодня.

Сегодня мы только вдвоем.

Чарующие звуки музыки льются по всему залу, и по моей спине бегут мурашки. Я двигаюсь с Арамом в такт, кладу руки ему на плечи.

А позже случается это...

Он наклоняется ко мне посреди танца и прижимается губами к правому уголку рта. Его губы горячие, требовательные. Он полностью завладевает моим ртом, углубляет поцелуй.

Чувствую на языке привкус мяты.

И мне приятно... Пусть не так ярко, как это было с Артуром. Но не отталкивающе, даже колени немного подкашиваются.

Арам, конечно же, крепко меня держит и ни за что не позволит упасть.

Мне в его руках надежно, и это особенное ощущение.

Мы прижимаемся друг другу каждую секунду песни. Разомкнув губы, смотрим друг другу в глаза и, кажется, говорим взглядами. Чувствую идущие от него флюиды сексуальности и четко понимаю, что ему дорогого стоит сдерживаться со мной.

Когда песня заканчивается, я прошу Арама отпустить меня на минутку в дамскую комнату.

И позорно сбегаю, чтобы немножко прийти в себя.

Мочу горящие щеки холодной водой, всматриваюсь в свое покрасневшее лицо. Глаза кажутся пьяными от пережитого, хотя я выпила всего пару глотков мохито. И этот привкус мяты во рту...

Не слишком ли быстро развиваются события? Мы с Арамом ведь просто пришли потанцевать. Это какое-то безумие!

С другой стороны, мы свободные люди и никому ничем не обязаны. Если мне хорошо с ним целоваться, то почему бы и не продолжить делать это.

Стоит мне только выйти из туалета в полутемный коридор, как я снова оказываюсь во власти Арама. Он тут же прижимает меня к себе спиной, и я опять ощущаю свежий морской аромат его парфюма, чувствую за собой крепкое мужское тело.

Он отодвигает мои волосы, целует в шею, отчего я мгновенно покрываюсь мурашками.

Позволяю ему увести меня.

Поначалу даже не понимаю, что мы идем вовсе не на танцпол.

В первые секунды не соображаю, где мы в результате оказываемся. Какая-то полутемная комната, из мебели тут только стол и стулья. Вип-кабинка?

Главное — здесь нет никого, хотя снаружи ходят толпы народа и орет музыка. Мы словно отрезаны от остального мира! Но он нам и не нужен, ведь у нас здесь свой.

Все же меня немного напрягает, когда Арам, тянет руку к замку и запирает дверь. Зачем? И откуда у Арама ключи?

Задать эти вопросы я не успеваю, потому что он припечатывает меня собой к стенке и жадно целует.

— Арам, что ты делаешь? — стону я ему в губы.

А он буквально затыкает меня своим ртом. Снова чувствую привкус мяты, когда пускаю в себя его язык. Он таранит меня им, вобрав в себя полностью мои губы.

У меня горит рот, сладко ноет грудь и низ живота. Голова кружится, все как в тумане.

Мне так хорошо в его руках. Несмотря на дикость происходящего, так приятно и правильно...

Пожалуй, даже слишком приятно. Хотя еще недавно, когда мы целовались на танцполе, эмоции все же были другими. А сейчас такое ощущение, будто я целуюсь с...

— Артур? — болезненно охаю.

— Дошло наконец, — рычит он мне в губы и снова зажимает мне рот своим.

Глава 16. В его руках

Настя

Я не понимаю, как так происходит.

Артур подхватывает меня под попу и умудряется усадить на стол, при этом порядком задирает юбку. А потом и вовсе собирает мои волосы в кулак, заставляет держать голову прямо и смотреть ему в лицо.

— На глазах у всех с Арамом сосеешься, — цедит он, буравя меня злым взглядом. — Не стыдно тебе?

— Что? — охаю я.

Ему ли мне предъявлять. Когда сам...

Артур продолжает изрыгать гнев:

— Типа такая вся скромница-отличница, правильная девочка, шаг влево ни-ни. Не троньте ее, целочку. А сама чуть из трусов на танцполе не выпрыгивала. Как ты могла сосаться с Арамом? Это мне назло? Скажи!

— Мы с Арамом встречаемся! — выплевываю это ему в лицо.

После моих слов Артур еще больше звереет. Наклоняет голову к моему лицу и буквально цедит в губы:

— Ты не будешь с ним! Ты — моя, и не ври, что не хочешь...

А потом он буквально набрасывается на мой рот, целует жадно, кусает мою нижнюю губу. Терзает меня своим ртом, и не жалко ему.

Что есть силы упираюсь ладонями ему в грудь и стараюсь отпихнуть.

Вот только у меня не получается, потому что Артур силен как черт и упрям как осел. Космическое сочетание.

Его не сдвинешь.

Тогда я иду на хитрость: якобы покоряюсь ему, позволяю полностью завладеть моими губами, ласкать, как он хочет. А потом втягиваю его нижнюю губу в рот и кусаю. Но не нежно, как он это делал, а с силой.

— А-а! — рычит он.

И резко отстраняется, отпускает меня, смотрит волком.

— Алису свою целуй, кобелина! — кричу на него.

Приходит его черед удивляться:

— Чего? Какую Алису?

Идиота из себя корчит? Или даже имен своих подружек не запоминает?

— Ту, которой ты ребенка сделал, сволочь!

С этими словами я лезу в маленькую сумочку, которая все еще каким-то чудом висит у меня на боку, надетая через плечо. Достая телефон, тычу им Артуру в лицо.

— Вот фото, видишь?

Он смотрит на снимок теста с двумя полосками.

Откровенно недоумевает:

— Настя, ты дура? Я не делал никакой Алисе ребенка. Я вообще никому никаких детей не делал!

В этот момент я и вправду чувствую себя душой, но совсем немножко, самую малость.

— Я так и знала, что ты будешь все отрицать! — бросаю ему с чувством.

У Артура, похоже, нервный тик.

— Настя, я не делал твоей подруге никакого ребенка. Ты из-за этого Арама выбрала, что ли? Отвечай, ну?

А я из-за этого, да. Но ни за что не признаюсь. Потому что, если сказать — значит автоматом открыться в чувствах. Этого я не сделаю никогда.

Но и доказательств, кроме несчастного фото, у меня никаких.

Может, и правда нет у него с Алисой никакого ребенка?

Стоит мне представить такой вариант, и хочется выдохнуть с облегчением.

На миг мне от души хорошеет... Как если бы кто-то выдернул болючую занозу. Но лишь на миг.

Ведь Артур не сказал: «Я не спал с Алисой».

И вообще, он про ребенка может попросту еще не знать.

— Выпусти меня отсюда, — прошу жалобно.

— Чтоб ты к Араму побежала? — Он щурит глаза и часто дышит. — Ага, шас. Настя, ты моя будешь.

Последнее он в буквальном смысле мне обещает.

А потом снова прижимается ко мне губами.

Мой мир в очередной раз грозитя улететь в стратосферу, потому что губы Артура — это что-то неземное. Но я все же остаюсь на земле, не позволяю чувствам задурманить мозг. Ведь понимаю же, что этот конкретный парень из себя представляет. Гад.

— Артур, не надо! — отворачиваю лицо.

Он злится, толкается носом мне в щеку.

— Почему, Настя? Почему не я?

— Не люблю, не нужен, не хочу тебя... — я говорю это в сторону, опускаю взгляд.

Потому что брехня ведь. Стоит в глаза сейчас взглянуть, и он поймет.

Но Артур больше не заставляет меня смотреть в глаза.

Наоборот, берет меня за талию и снимает со стола.

Наивная, я думаю, что это все, на секунду расслабляюсь.

И тут он поворачивает меня спиной, хватает за руки, сжимает запястья одной своей ладонью и жарко шепчет на ухо:

— А теперь давай проверим, как ты меня не любишь и не хочешь. Если сказала правду, отпущу. А если соврала, выебу...

Это как же он собрался проверять? Что проверять? Разве можно пощупать руками желание или любовь?

В моем мозгу эти вопросы пульсируют резкими вспышками.

От грубых слов Артура у меня на макушке, кажется, волосы встают дыбом и шея покрывается гусиной кожей — как раз в том месте, куда он дышит.

— Отпусти, — тихонько хнычу.

А Артур как будто не слышит. Он словно робот, ведомый какой-то встроенной программой.

Однако вскоре я понимаю, что он совсем даже не робот, потому что мне в попку упирается очень даже внушительное мужское достоинство, которого у роботов наверняка не бывает. И оно явно приподнялось в мою честь.

Пока я пытаюсь выкрутиться, Артур вдруг снова меня целует — на этот раз в шею.

Удивительное ощущение...

Я замираю, немного шокированная от испытываемых эмоций.

А Артур тем временем вытягивает мою блузку из юбки. Нагло лезет под тонкую ткань и сжимает грудь, обтянутую тонким белым кружевом лифчика.

Меня никто никогда не трогал.

Тем более так дерзко и провокационно!

— О-о...

Я издаю громкий стон, и тут Артур отпускает мои запястья. Однако он продолжает прижимать меня к себе спиной и левой рукой зажимает мне рот.

Делая это, он по-прежнему стискивает мою грудь, а потом и вовсе нагло оттопыривает пальцами чашечку бюстгалтера и накрывает мягкое полушарие. Он зажимает между пальцев сосок, и меня накрывает от обилия новых приятных ощущений.

Я даже сопротивляться ему не могу в тот момент!

Я не хочу ему сопротивляться!

Но скоро понимаю — это не конец, а лишь начало.

Вдоволь наигравшись с одной грудью, Артур делает то же самое со второй. Заставляет оба соска превратиться в сморщенные горошины. Они, кажется, скоро прорвут ткань блузки, такие острые!

— Сейчас проверим, как я тебе не нравлюсь, и как ты меня не хочешь, — хрипит он мне на ухо.

Ведет ладонью по моему животу, затем ниже. Нагло задирает юбку и сует руку в трусики...

А там был потоп еще в ту минуту, когда мы с ним просто целовались. Я чувствовала, что трусики насквозь промокли, и теперь Артур тоже это понимает.

Тут-то до меня и доходит, что это и есть его проверка — хочу ли его или не хочу.

Я пытаюсь дернуться, заставить его убрать руку, сжать бедра. Но Артур не дает. Он накрывает ладонью мою промежность. От жара его руки и ощущения того, где именно он меня трогает, буквально сносит крышу.

Это ни с чем не сравнимое удовольствие и предвкушение нового. Оно сводит с ума.

И мне уже совсем не хочется, чтобы он вытаскивал руку из моих трусиков. А потом он и вовсе ласкает меня пальцами там. Проводит средним пальцем по складочкам, находит мою дырочку и гладит, затем ведет пальцами выше и концентрирует внимание на бугорке, в котором сосредоточивается мое удовольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.